

Санкт-Петербург 2014

A black and white silhouette of a cityscape at dusk or dawn. The sky is a light, hazy grey, and the city below is a dark, solid black. Several tall, thin structures, possibly towers or spires, rise from the skyline. In the foreground on the left, there are silhouettes of traffic lights and utility poles with wires. The overall mood is quiet and contemplative.

Олег Охупкин

философская

лирика

УДК 82-143
ББК 84(2)

Олег Охупкин. Философская лирика./ Составитель Татьяна Ковалькова — СПб.: Русская культура, 2014. — 156 с. — 8 илл.
ISBN 978-5-905618-07-9

Книга Олега Охупкина выходит далеко за рамки обозначенного в ней жанра. Традиционные размышления о тайне рождения и смерти, предназначении человека, его ответственности перед остальным миром в этих стихах звучат как прелюдия. Идеи, так называемого, «чистого искусства» духовно близких Охупкину поэтов Тютчева и Фета, восприняты им само собой, как очевидность, так, будто полемически стоящее социальное искусство не существует вовсе. Во всяком случае, Олег Охупкин не относит это к искусству. Искусство же мыслить в его лирике довлеет себе. Эта всегда умная поэзия. Категории пространства и времени в ней соответствуют парадигмам физики новейшего времени. Поэт-мыслитель словно радуется тому, что наука, проникая в законы тонких энергий, приближается к открытию бытия Божия, практически к доказательству его. Олег Охупкин вслед за своим другом астрофизиком Н. А. Козыревым считал время энергией, нелинейно соединяющей одно реальное событие с другим. Поэтому Событие имеет свойство длиться, оно есть всегда, оно, таким образом, существует в вечности. Читая эту книгу, мы узнаем о таких Событиях, переоцениваем настоящее и понимаем, как, возможно, избежать «мрачной бездны», подстерегающей человека на каждом шагу. Эта поэзия опыта, героического духовного стояния. Она раздвигает горизонт мышления и чувствования, обновляет видение мира.

В оформлении книги использованы фотографии Виталия Афанасьева

ISBN 978-5-905618-07-9

© НП «Русская культура», 2014
© Ксения Охупкина, оформление,
обложка, 2014

Предисловие

ЧЕЛОВЕК ДЛИННОЙ ВОЛИ

Олег Охупкин — особая фигура в петербургской, метафизически серьёзной поэтической традиции. Наиболее ярко из всех поэтов питерской неофициальной (да и официальной) культуры он выразил православную, литургическо-космическую сущность русской души. Он, как могучий богатырь, противостоит энтропийному, мутному потоку сегодняшней и вечной пошлости. В Охупкине нет «срединного», западно-буржуазного начала, которое грозит уничтожить всё живое в мире, а сегодня с гламурным, наглым триумфализмом воцарилось и на русских экранах, и в униженных русских душах.

Россия существует или в аду или в раю. «Сжигая собственную душу», выбирая спасительную нищету, непрерывную боль, древний и новый хаос, Олег Охупкин не остаётся некой пассивной жертвой. Тем более нельзя его назвать «жертвой режима», в его поэзии нет политиканства и психологического редуционизма, она эк-зистенциальна в самом глубоком смысле слова. Эк-зистенциальна, эк-стазна, потому что существует как Дар, как обращение к Иному.

Православный поэт — это homo liturgicos. А в литургии присутствует антиномическая апофатика — поэт переживает неслыханную боль, потерян перед лицом вселенского ужаса, но одновременно он славит Бога, он — рыцарь с «варварской», скифской лирой. Православное песнопение о Страстях Христовых кончается всё же славословием: «Слава силе Твоей, Господи!» Так и Олег — по страданиям Антонен Арто и Винсент Ван Гог вместе взятые — побеждает ужас ликованием, звенящим «тихим светом», сам превращаясь в вечно горящий куст Пятидесятницы.

Его поэзия православна и литургична. И литургичность Охупкина — как и подобает быть литургичности евразийской — бесстрашна и космична. Она возвращает к земле, стихиям, деревьям, к мистерии «тихого света»:

Поэзию совсем не ту
Растения знают. Их заботы
Крупнее наших. Листопад
Куда трагичней тех утрат,
Что мы зовём разлукой с милой...

Достоевский устами старца из «Братьев Карамазовых» сказал о животных: «Они с Христом прежде нашего». То же можно сказать и о природе вообще.

Смотрю я, грустный поневоле,
На вечеряющее поле,
Страданию мира приобщён.
И он лежит передо мной,
Притихший мир с коровьим взглядом
И грусть моя белеет рядом —
Фонарь на кровле жестяной...

Мистерия коров, кустов и яблонь глубже человеческих переживаний, и только пророку, святому и поэту открыт вход в её святилище:

Я наблюдаю яблонь быт,
Их мудрости простой открыт.
Учусь у них смиренной доле
Плодоносить на здешней воле.

Как и в любой мистерии, здесь в центре — партиципация, причастие, при-общение. В православии же — обожение, которое является целью бытия человека и вселенной.

Как будто я кустом ликую,
От солнца пьян, как от вина,
Пылающая купина.

Для Охупкина, как для брата всей твари, нет мертвого бытия. Всё оно пронизано светом. В индоевропейских языках «свет», «свят», а также «плотность» часто совпадают. Например, в немецком: licht — dicht. Плотность — это отсутствие пустот. Невозможность энтропии, механического автоматизма, смерти. Это — жизнь, органика. Дух святой, всё собой наполняющий и оживляющий.

Энтропия существует только в нашем греховном воображении. «Это несущее, ставшее сущим». (Так св. Афанасий Великий определяет дьявола).

Он как тайна и страсть, проникает во всё
И живёт глубины прорастанием
Это Он так щемяще томит и сосёт
Мир смущает неведомым знанием.

Это Он, это Он, и в жуке, и в траве,
И во всём, что в томлении дышит...
Видишь, мыслит в ладони твоей муравей,
И трава себя творчески слышит.

Охапкин, отождествившись с «пылающей купиной», исповедует глубокую, мистическую церковность. Церковь была создана в Пятидесятницу сошествием Святого Духа. Церковь — самое хрупкое и невозможное из того, что есть на свете. Но она сильна и непобедима, «и врата адовы не одолеют её».

Парадокс веры — в сочетании предельной беззащитности и героической, торжествующей силы.

И чем зима стояла злей и доле.

Тем выше будут воды в правоте.

Бесстрашный скиф и варяг понимает, что его мощь — от смирения. «Тихий свет» творения учит этому:

Я увидел вблизи, насколько природа
Величавее нас, как наша порода
Истерична, когда Творец нас покинет,
И стихия в тот разрыв постуками ринет.
Стало весело мне...

Жизнь христианина литургически закончена. Литургия циклична, как циклично время природы, с её повторяющимися временами года. Но христианин это — воин, богатырь, «человек длинной воли» (слова Охапкина на вручении ему премии Державина). Война (особенно война внутренняя, духовная), натянутый лук и стрелы, молния Гераклита, одиночество избранности — эта вертикаль христианства — не менее, а может быть и более всего характеризует «одного в поле воина» Олега.

Охапкин — поэт Апокалипсиса. Он знает, что служит жертвенному Агнцу в обгаренных кровью одеждах, что принадлежит к избранным, к тем, кто «пришёл из великой скорби» и не преклонил колени перед Ваалом.

Охапкин живёт жертвой и болью. Поэтому в нём «религия всегда побеждает философию» (вспомним слова Розанова). Жертвенность его радостна, полна надежды. Впереди — всегда Пасха.

Явственный времени ход
В полночи Пасхи
Тишь, молодеющий год,
Сроки развязки.

Полночь вошла в обиход.
Время пробило.
О, небосвод, небосвод!
В яме светила.

Вспоминается наставление старца Силуана: держи свой ум во аде и не отчаивайся. Поэт достигает вершины мировой полночи,

переживает боль и одновременно слышит, как из таинственных глубин звучат всегда неожиданные глаголы: Христос воскрес из мертвых!

Православие тем и отличается от католицизма, что за крестной мукой всегда следует Воскресение. Православие — особенно русское — не может бесконечно разглядывать раны Христовы, созерцать во всём натурализме бесконечность Христовых страданий. И ещё одна глубоко православная черта характеризует стихи Охапкина: в нём нет дуализма между духом и плотью, между сверхестественным и природным, поэзией и прозой:

Жара. Уж Солнце высоко.

И запахом берёзы

Напоено всё: от того

Поэзии от прозы

Не отличить.

В живом космосе всё трепещет, ликует:

Светает. Равноденствие. Весна.

Великий Пост. В грядущем солнце всходит.

Стой! Кто идёт? И видно по погоде:

Природа просыпается от сна.

Но здесь и битва с собственным обрывающимся дыханием и ратерзанность телесностью. Жизнь Олега была сплошной неустроенностью, он жил в вечном безденежье, бездомности, голодал, сидел в психушках. Даже в нищем мире «Второй» питерской культуры Олег выделялся своим неблагополучием. Он был согласен и с бытием бессеребряника и с «вечным боем», благославляя, сражаясь, оставаясь Иовом на пепелище и торжествующим Агнцем из Апокалипсиса.

Незадолго до его смерти, я видела Олега по французскому телевидению. Шла передача о «Второй» культуре. Показывали питерскую психушку. Не секрет, что испытание отечественной психиатрией страшнее холода, голода, даже тюрьмы. Олег — это русский Антонен Арто — выглядел всё таким же богатырём. Не замечались ни обшарпанные стены, ни бедное убранство «палаты № 6». Побеждали фигура, лицо и голос Охапкина. Он, как будто восседал на троне, читал свои последние, очень светлые стихи. И я вспомнила слова Мастера Экхарда: «Бес ничем не отличается от ангела кроме одного: если бес находится в раю, ему кажется, что он — в аду, а у ангела всё наоборот: если он в аду, ему кажется, что он в раю».

И исчезли грязные стены больницы. И вновь захотелось в Россию, туда, где Новая Земля и Новое Небо. А безумие до сих пор священо.

Татьяна ГОРИЧЕВА

С.-Петербург,

27 июня 2014

вечна

***

То ли Муза ко мне заходила,
То ли ангел какой пролетел,
Но сегодня меня разбудила
Арфа, лира ли, воля, виола,
Или просто звучанье глагола,
Что во мне сам собою запел.
И волненье осилить не в силах,
И с мелодией не совладать,
Я попробовал в рифмах несмелых
И в словах полунищих и голых,
Оттого-то едва ли весёлых,
Волю тихому голосу дать.
И во мне, точно влажного эха
Повторенье, зеркально двоясь,
Неделимой двойчаткой ореха
Покатилась мелодия страха:
Ну, как если душа-растеряха
Звук обронит в словесную грязь?..
Но молчанье настоль отстоялось,
Что прострация стала слышна.
Сердце билось, как билось, боялось,
Как боялось, и душная смелость
Разрядила всё то, что имелось
За душою: печаль, тишина.

* * *

И придёт, и побудет недолго,
И неслышно опять отойдёт,
А душа уже звуком заволгла,
И дрожит, и по нервам поёт,
И разрядами светлого тока
Озаряет потёмки в глазах
И лицо оживает в слезах...
До чего же нежна и жестока!

СВЕТ ВЕСЕННИЙ

Люблю вечерний тихий свет!
Горит в полнеба день прошедший
И солнце глазом сумасшедшим
Глядит, глядит кому-то вслед...
Люблю вечерний тихий свет:
Костер усталый стен кирпичных,
Над трубами стрижей привычных
И самолета грустный след.
Люблю вечерний тихий свет:
Сосредоточенность терпенья,
Дерев над почвою корпенье
В теченье неуклонном лет.
Как не любить вечерний свет
С беззвучными колоколами
Над кровлями и куполами,
Когда душа поет в ответ!
Люблю вечерний тихий свет!
Он в мерном шелесте Фонтанки.
Его блаженные останки
В душе моей, где тленья нет.
Свет невечерний, свет весенний,
Свет вечеряющей любви,
Свет пробужденья, свет спасенья,
Все, что Ты взял, благослови!

* * *

О, сколько жизни и сколько смерти
Пройдет оружием сквозь горло это,
Где прежде слова молчанья вето,
А после слова лишь рифмы эти!
А все сквозь пальцы, и в горле комом,
И все, как в детстве, и как в горячке,
И, если смерть не приходит в спячке,
Жизнь ужасает строки обломом.

***

Когда гляжу на талый снег,
Я вспоминаю, что осталось мне
Лишь это — времени разбег,
Да перемены дней, да сад в окне.
Лишь эта детства чистота
И радость удивленья талостью
Снегов, да грусти широта,
Вся обозримая за малостью.
Вся грусть моя, вся жизнь в комок
Сжимается весной в распутицу,
Как будто не сугроб намок —
Душа набрякла всем, что сбудется:
Весной, всегдашней по зиме,
Землей, накисшей под землищею,
Травой, до времени в тюрьме —
Всей питерской природой нищею:
Листою в голых прутьях верб
И краснотала там вдоль насыпи,
Где из канавы лунный серп
Всплывает льдинкой в звездной осыпи.
Вода от времени сочна
И запустела снежной мяготью.
Как ни считай, весна точна
И шлепает ногами слякотью.
С утра посмотришь — там сугроб
Осел и развалился хряпою,
Как бы кочан, а завтра троп
Тех мест уже глядит растяпою.
Март расхлебянил фортку мне,
И день, и ночь стекает каплями,
И день, и ночь сквозит в окне
Болотом, садом ли, но цаплями.
Так схожи яблоньки в воде
С продроглыми в болоте птицами,
Что сад затих — уж нет ли где
Кого с горящими глазницами?..

И если выглянуть в окно,
Вся стая вмиг с болота снимется,
Затем что сад в окне — одно,
А что в душе, так это минется.

* * *

Когда бесплотный вечер
Войдёт в мою печаль,
Забуду звуки речи,
Бредя в пустую даль.
Не буду знать, о чём я
Жалею, что со мной.
Заплачу от молчанья.
Весна тому виной.
И сердце вдруг услышит
В тот сумеречный час:
Душа крыла колышет,
Как тени при свечах.
И загляжусь в проёмы
Вечерних тусклых крыш,
Шатаюсь по району,
Где храм от солнца рыж.
Там крест на колокольне.
На нём — громоотвод.
Колокола спокойны
Уже который год.
Но вечерами слышен,
Как музыка сквозь сон,
Не то сквозняк по крышам,
Не то забытый звон...
Как будто шелестенье
Не помня до поры,
Безлистые растенья
Поют из-под коры.

ЗЕМНАЯ СИЛА

Гнетомый льдом перед ущербом
Таиться твёрдый земный пласт,
И, чуть весна, всю веру вербам –
Запас оттаянный отдаст.

Душа земная распушится
Навстречу солнечным лучам,
И вдруг фиалкою душистой
Проглянет, радостно звуча.

В лесу пичугами запустит
И над свирепствами зимы
Уже смеётся в тайной грусти,
Скучая слякотью взаимы.

Но прокутилась, прокрутилась
Позёмка снежною рекой.
Душа лесная пробудилась,
И до листвы подать рукой.

Отдало слякотные дёрны,
И под водой живёт отпад.
И в пробуждённом поле зёрна
Над элементами корпят.

Всё алчет, свищет и ликует.
И воскрешённый глинозём
Всежгучий в жилах огонь смакует,
Какой и мы в себе несём.

***

Когда поэт не помнит боль
И видит сны,
Какую он играет роль
В игре весны?

Быть может, облачка перо —
Его душа?
Он теплит свечку над бюро,
Едва дыша.

Он слышит небо в глубине
Ночной поры
И лепет сосен при луне,
И рост коры,

И сам лепечет, как сосна,
Почти сквозняк,
Нырять, как луны блесна,
В озерный мрак,

И мечутся его слова,
Как ветви ив,
И в нём шумит едва-едва
Волнение нив.

Душа не знает, где сейчас
Плывет он сам.
И наступает дивный час —
Предел часам.

Но время входит в обиход.
Пора, нора!
В деревне выгоняют скот,
Ревет гора.

А за горой орет петух,
Пылит большак.
И свет свечей погас,
потух, И жмет кушак.

Раздеться, что ли, догола
И загорать?
Даль облаков белым-бела —
В снежки играть.

Еще бы ночи полчаса!
Поговорим!
Но солнце плавит небеса,
Как стеарин.
И тело переходит в дрожь.
Скулит комар.
Боль — это вновь людская ложь,
Дневной кошмар.

* * *

Отрыдал апрель.
Сердцу невдомёк
Скворушки свирель,
Времени намёк.
Не смотри вперёд,
Не гляди назад,
Не скворец зовёт —
Просыхает сад.
Грустная пора!
Лужу бьет озноб.
Временем вчера
Растворён сугроб.
А сегодня с плеч
Не согнать ворон,
В пашне вязнет грач,
Зябь со всех сторон.
Что и в том году,
Горечь перемен.
Листья жгут в саду —
Плошлогодний тлен.
Запахи весны
Времени сродни,
Что оно, грустны,
Тленны, что и дни.
Ты молчишь? О чём?
Скворушка поёт!...
Время за плечом.
Вечность настаёт.

* * *

С утра зарядило. Прорвался снег.
Его мы не ждали. Весна весь март.
Уж вербы привычными стали нам.
Вдоль насыпи дружно они пошли.
Неделю бредут по пояс в воде.
Преград не встречали ещё нигде.

Я землю видел ещё вчера.
Она волосата была, как плоть
Старухи седой, но пришла пора
И саван сшил для неё Господь.

И хотя ужасна мечта моя,
Всё было б легче, когда б я мог
Вернуться к истоку, землёю стать,
Но, видно, час мой ещё далёк.

Я слышу: ветер поёт, поёт...
Высоким плачем весну почтим!
Она пришла, ведь её черед.
Лишь наш порядок необратим.

И когда бы время могло бы вспять
Пойти, не думаю, что для нас
Это открыло бы дверь туда,
Где мы не знали ещё стыда.

С утра печально. Всё снег, да снег...
И вертикально, и вкось, как бег
С наклоном в даль, в снеговую даль —
Туда, где грусти горизонталь.

ВРЕМЯ ПАСХИ

Есть минута в апреле ночном
На Страстной чудотворной неделе —
Воскрешенье внимания в теле,
Трепет зренья в огарке свечном.
Это время свершает во мгле
Светозарное таинство Божье.
Во вселенной сейчас бездорожье,
В храме склянки, как на корабле.
В мире слышен лишь колокол мглы,
Хор заутрени в полночи Пасхи.
Это вечность вошла без опаски
В закоулки, подвалы, углы,
В каждый дом человеческий и гроб,
В тишину затаённой природы...
Воскресают миры и народы.
Во дворе оседает сугроб.
Прозябают скелеты осин
На кладбищенской мерзлой аллее,
Где луна, как фонарик на рее,
Купол церкви — золотой апельсин.
Водворяется Новый Завет
В календарь, обветшалый от горя.
Запах солнца и весть из-за моря:
Бог воскрес! Поспешите вослед.
И вздыхает во тьме толчея.
Прихожане Земли воскресают.
Свечки красного воску мерцают.
И вступает закон бытия.
И в толпе начинается давка.
Прут безбожники, встав из гробов.
Сигаретку скурив до зубов,
Сквернословит студентка чернявка.

НА ГРАНИ ПОЛУНОЧИ

Слышишь прилив из глубин.
Время? Полночь.
Светится Марса рубин.
Скорая помощь
Мчится на красный сигнал,
Тишь раздирая.
Может, ее обогнал
Послушник рая?
Время кому-то пришло.
Вечность настала.
Полночь апреля число
Перелистала.
Численник вдруг похудел.
Мая приметы:
Пашни земельный надел
Выплыл из Леты.
Зябкий, еще не просох,
Леса участок
Нюхает преющий мох,
Шлепает в ластах.
Чу, просыхают сады,
В запахе тлена.
Это Господни труды,
Дней перемена,
Явственный времени ход
В полночи Пасхи,
Тишь, молодеющий год,
Сроки развязки.
Полночь вошла в обиход.
Время пробило.
О, небосвод, небосвод!
В яме светила.
Ветхий и Новый Завет,
Всё мирозданье —
Мига в течении лет
Преобладанье.

* * *

Какое счастье слушать мир,
Впускать в окно газон, эфир,
Молву вселенской тишины,
В начале мая без луны
Внимать созвездия Лиры
В тиши родной квартиры.
Какое благо чай согреть
И чайник вылакать на треть,
Ленясь помыслить о делах
(Пускай работает Феллах),
Вдыхая время втуне
Весь май, затем в июне.
А то улечься на диван,
Как в оно время богдыхан,
Куришь себе, открыв окно,
И сыпать пепел на сукно
Прохожего мундира,
И ждать кончины мира.
И ты услышишь, вот те крест,
Жук-древоточец мебель ест,
И воробья что стало сил
Клюет сородич альгвасил,
Чему-то буйно рады
Скворцы поют рулады.
И наслаждается трава...
В лесу казённые дрова
Растут покамест, не коптят,
Галдят по-птичьи, шелестят,
Кормильцы атмосферы,
Древесные Пастеры.
Но из низин всплывает ночь,
И зренью звезд не превозмочь.
Финифтью залит небосвод,
И в нижней бездне с позолот
Небес иконостаса —
Лик непостижный Спаса.

И ряска рясой золотой
Мерцает, как бы под водой
Эфирной ткани темноты
В пруду, где молятся кусты
Небес изображенью —
Воды воображенью.
Все это вижу из окна.
Ночной рубашки полотна
Достаточно, чтоб телом быть,
И грудь дыханьем остудить,
И стать сознанием ночи,
Державой снов, короче.
И, в сердце, прохладяя лень,
Увидеть собственную тень —
Знакомый с детства силуэт,
Изглоданный трудами лет,
Под сенью небосклона
В сырой траве газона.
И благодарно созерцать
Как, самодержец, ляжешь спать,
Наследуя державный сон,
Отчизною со всех сторон
Восхищенный незримо,
Во власти Серафима.

* * *

Легко и вольно дышит грудь.
Светло и больно на душе.
Я русской речью стал уже.
Лишь совестью народа став,
Ты, незапятнанная речь,
Постигнешь и его устав —
Любви воинствующий меч.

ВОЗВРАТ К ДЕРЕВЬЯМ

Пока с судьбой сводил я счёты,
Стояла осень, и зима
Уж подходила. Глядь, сама
Весна стоит. Что наши взлёты
И низвержения в пустоту!
Поэзию совсем не ту
Растенья знают. Их заботы
Крупнее наших. Листопад
Куда трагичней тех утрат,
Что мы зовем разлукой с милой.
Он равен разве что с могилой.
Лишь с ней. Могила. Лишь она
Для нас воистину страшна
И грандиозна. А растеньям
Листва — не то же ль, что для нас
Здоровье, сила?.. Всякий раз,
Как заболею запустеньем
Души, я вспоминаю тот
Глубокий обморок сезонный,
В котором вижу каждый год
Сад за окном — тайник бездонный
Природы и солнцеворот —
Древес от смерти пробуждение.
Тогда-то начинаю жить —
Наращивать живую нить
Судьбы, узлами отмечая
Весну — скудельницу, возврат
Животных сил. Таков уклад
Моей души. С собой сличая,
Я наблюдаю яблонь быт,
Их мудрости простой открыт.
Учусь у них смиренной доле
Плодоносить на здешней воле
И к сроку яблоки ронять,
Затем листву, и так стоять
До возвращенья непритворной
Весны пасхальной, чудотворной,

Когда, чуть Время подойдёт,
Вернутся птицы, в свой черёд
Душа раскроется бутонем.
Глядь, шмель цветок сосёт со стоном,
И стебли, солнце заслоня,
Выпрастывают сквозь меня
Листву могучую, живую,
Как будто я кустом ликую,
От солнца пьян, как от вина,
Пылающая купина.

* * *

Я помню: есть такие вечера.
Они — случайный дар весною ранней.
Уже давно бы сумеркам пора,
Но дню не перейти гремящей грани.
И долго различаешь без труда:
Сочится солнце наподобье ранки,
И запад, раскаленный как руда,
Того гляди расплавится в Фонтанке.
А в тишине последних этажей
Немытых окон мартовское тленье,
И храм вдали все ярче и рыжей,
И облака пылают, как поленья.
Они слоятся, рушатся, звенят,
На голоса расходятся и реют..
А где-то трубы черные дымят,
И между тем заметно вечереет.
И дня уж нет. В сиянье облаков
Он еле слышен музыкой багровой,
Как будто горный отблеск ледников,
Уже померкнуть в вечности готовый.

ДУМА

Из года в год одна и та же дума,
Тяжёлая как жизнь, отягчена
Не временем, но льдом его угрюмым,
И потому порой на сердце дрёма,
Как бы на дне глухого водоёма,
Где глубь души под лёд заключена.
И хочется вздохнуть, да оковало,
И коротка летейская весна,
И даже лето улыбнётся вяло,
И осень накидает как попало
На стылый стрём легчайшего металла,
И тонет лист, как тусклая блесна.
Из года в год одна и та же тяжесть.
Но прёт поток, забывчивый в пути.
И сколько льда на горб его ни ляжет,
И как протоку быстрюю ни свяжет,
Весь ток тугой, какой с годами нажит,
Всегда сумеет на простор уйти.
Но есть в году и думе той раздолье –
Срок половодья – воля к полноте,
Когда напряжен ход речной тем боле,
Чем тяжелей гнело его в неволе,
И чем зима стояла злей и доле,
Тем выше будут воды в правоте.

БЕЛАЯ НОЧЬ

В каморку тянется подрост
Зелёной ниточкой надверший.
Далёко слышен певчий дрозд.
Грузнеют облачные мрежи,
И золотою полосой
Лесок далёкий розовеет,
И Ангел белый и босой
Как бы крыло на солнце греет.
Он прикоснулся к облакам
Пером сверкающих надкрылий,
И мгла светлее молока
Струится в дол. Туман. Река.
Чернеет лодка рыбака.
Как будто их заговорили.
Не растворяются. И я
Гляжу сквозь чашу из каморки:
Крыло хозяйского белья
Подобно гроту корабля.
Не различу из-за тряпья –
Туман, хитона ли оборки.
И певчий дрозд печально так
Зовёт чай гонять Ефима.
Иль это возглас Серафима,
И я ослышался, простак?
Сижу и слушаю. Гляжу
И ничего не понимаю.
Иль это ночи белой шум.
Иль Ангел душу вынимает?

ПОВЕЧЕРЬЕ

Закат. Вечерний час беззвучен. Дня отлив
Так равномерен в мае, как в заливе
Простор морской, валов наплыв,
Как разговоры в перерыве,
Не перешедшие в порыв.
То — дивный час равнин, продлённый час,
Прострация деревьев дальнорких.
Стоящие в садах и на задворках
Дубы молчат о том, как свет погас.

    Неосязаем переход,
Когда, всей массой теплоход,
Медлительная дня сползёт громада
За горизонт, на запад Ленинграда,
В Атлантику, в отлив, за Альбион,
И к нам в окрестности Михайловского сада
    Войдёт Вселенной небосклон.

    В такую тишь чарующая зыбь,
Прибой невидимый иного океана,
Волненье полночи и ширь меридиана
Рассыпят светочи, тяжёлой ртути сыпь,
И пригород — Сосновая Поляна
Из электрички выйдет полупьяно,
    А на Валдае ухнет выпь...

И звук таинственный болотной птицы
    Вспугнёт архангела ресницы,
    И он со шпиля над Невой
    В созвездье Лиры голубой
    Увидит струн лучи и спицы,
    Серебряные вереницы
На нотном стане Кеплеровых сфер.
    Его духовный глазомер
    Определит склоненье неба:
    Далёко ль колесница Феба,
Надежен ли внизу милицьёнер.

***

Звезда небесная на юге,
И там уж свищет соловей.
И Ангелы в небесном круге,
И сквознячок летит с полей.
Дневная жизнь угомонилась.
В душе торжественно светло.
И полумесяцем явилась
Луна полночная в стекло.
И в кронах не шелохнут листья.
И в мире святость, мгла и тишь.
И в сердце помысл, помысл чистый,
Как будто в сердце ты летишь,
О, Ангел мой хранитель чудный.
Тебя я слышу издали.
И кончен знатный день и трудный.
И звёзд сияют хрустали.
Такая тишь в полночном мире,
Что на душе одна лишь мгла.
И в охлаждённом мглой эфире
Блестает звёздная игла.

* * *

Минувшее уходит в подсознанье
И снится в снах, причудливо рядясь.
И это с нашим прошлым связь
И о себе таинственное знанье.
Так появляются забвения следы
В предчувствии ещё грядущих бед.
Не лучше ли полночные мольбы
Тьмы заблуждений прежних лет!

С ВЕЧЕРА ДО ТРЕХ ПОПОЛУНОЧИ

Вечор я брёл путём соснового бора.
Сосен дружные стволы брели за мной скоро.
Я от них не отставал, кружил перелеском.
Сосен круглые столбы грелись дневным блеском.
День прибрежный потухал. Тихо уж было.
В Комарово, в дачах ночь, я слышал, пробило.
Так промчалось вечерком свободное время
В мгновенье, когда с меня свалилось дня бремя.
В миге этом было всё, чему надлежало
Быть: и ночь, и тишина, и то, что простыло
С телом сосен, камней, моим в рубашке,
Всё, что простыло, как след комара на ляжке.
Был день. Глядь — ночь, звезды караула.
Гляжу в небо меж стволов, как в чёрное дуло.
Там, в крошечной тишине, глубоко в Боге
Мысли мои сошлись на миг молчаньем в итоге.
Затаённый мох в ногах держал мою тяжесть.
Сосен кровли в головах созерцали схожесть
Побережья влажных дум тусклого залива
И моих безбрежных. Шум дрожал в нас, как слива
Белоснежная в цвету, в самом апогее
Перед ветром вдалеке, где хлопнул на рее
Парус плаванья в ночи учебного барка.
Так пугалась тишь во мне. Так ждала подарка
От кого-то за плечом, где сосны темнели,
Что месяц кривым мечом звенел еле-еле
Над огромной для души окрестностью шеи,
И ветра первый порыв был мысли свежее.
Небо встало, зашумев заливом в просветах
Черных силуэтов крон, сосен, в скелетах
Одичалой тишины, в бору побережья.
Стал хмельён глоток слюны, солён от безбожья,
Одиночества слов, гремевших в гортани,
Будто рухнула мощь тишины в фонтане.
Но затем, видит Бог, я рог моря в соснах

Различил и поволок в нервах косных
Туда на пляж, где гремел Творец морем в берег,
Туда, где скакал топляк, дул шквал без истерик.
Я увидел вблизи, насколько природа
Величавее нас, как наша порода
Истерична, когда Творец нас покинет,
И стихия в тот разрыв поступками ринет.
Стало весело мне. Вскрылись чуда свойства.
Есть мгновенья, когда время в нас героинства
Ждёт прилива, и риск отважиться словом
Так велик, что, не будь Бога в бестолковом
Крике, мы б, очумев, не постигли крика.
Чудо ж так нас берёт, что Бога улика
В наших жестах — восторг, внезапная точность,
Будто нас стерегла не явь, но заочность.
Все сбылось в час, когда сосны, встав за мною,
Пришли к морю на зов Творца над волною,
Пришли к морю познать Создателя мира,
Мерный времени труд, тебя, моя лира,
Древний Духа познать образ в грозном хоре
Раздымавшихся вод, человека в море.
Ночью, на камень сев на пляже знобящем,
Я гляжу на песок в заливе летящем.
Не поднять мне песка всей крови приливом.
Сосны машут мне вслед — счастливо! счастливо!

лето

РАВНОДЕНСТВИЕ

Мы были рождены в годину горя,
Но для великой радости. И вот
Уж тридцать лет надежда в нас живёт,
С отчаяньем и скорбью тайно споря.
И если нам дарована была
На эти тридцать лет живая вера,
Мы выжили, и нам не солгала
Истории отпущенная мера.
Большой судьбой отмечены лишь те,
Кто на пиру судеб не стушевался.
Когда же горький кубок нам достался,
Мы приняли и долю в нищете.
Но жизнь идёт. Стой! Кто идёт? — Господь.
Что делать нам, рождённым в это время.
Когда животный страх перебороть
Уже нельзя, не заглянувши в темень.
Кто там во тьме, когда уже не тьма,
Скорей, рассвет, и сумерки так зыбки,
Что очертанья путников весьма
Расплывчаты и можно ждать ошибки?
Светает. Равноденствие. Весна.
Великий пост. В грядущем солнце всходит.
Стой! Кто идёт?.. И видно по погоде:
Природа просыпается от сна.

ИЗ ЛЕТНИХ ВЕЧЕРОВ

Июнь... Какие вечера!
Какое медленное лето!
Средь нескончаемого света
Пойми, где завтра, где вчера.
Неярок северный пейзаж.
Кусты, поля полупустые,
Да птичьи крики холостые,
Вётл скудный вид... Вот Север наш.
Зато уж небо — небеса!
Блеск без конца. Не наглядеться.
Всю ночь мне никуда не деться —
В полнеба света полоса.
А вечера, а вечера!
Я с них и начал. Это чудо.
Покой усталый отовсюду
И шорох птичьего пера...
И смутный призыв — тёплый тон,
Как звон далёких колоколен.
Он гармонически спокоен,
И все ж напоминает стон.
Так у аккорда обертон,
Хотя и взят аккорд в мажоре.
Но есть в полях печаль о море
И хаос в карканье ворон.
И каждый вечер, им смущён,
Смотрю я, грустный поневоле,
На вечереющее поле,
Страданью мира приобщён.
И он лежит передо мной,
Притихший мир с коровьим взглядом,
И грусть моя белеет рядом —
Фонарь на кровле жестяной.

* * *

Ритмично и мерно качаются дни,
Созвездья смещаются ночью.
Ход времени снам и качелям сродни,
И это я видел воочью.
Я помню отливы и берег морской,
Вечерней природы затишье,
Покой деревенский и шум городской.
Все это — лишь четверостишье.
Оно, что и время, — качели, волчок,
Ритмичная шутка, затея.
В деревне за печкой стрекочет сверчок,
А в небе — ручей Водолея.
Всё это и то, что забыл помянуть, —
Дыханье коровы, к примеру,
Мешает мне в городе ночью заснуть,
Тревожит эфир, атмосферу.
И ритмом качает волна за волной
Ход времени вещую душу.
Курю сигарету, слежу за луной —
Качаю и море, и сушу.
Умерь, амфибрахий, вселенскую тишь!
Раскачивай утлую строчку!
Пока не расслышу, как дышит камыш,
Не слышу и времени качку.

* * *

Есть вечера, когда пробьётся луч.
На памяти твоей одно бывшее.
И небеса сверкают из-за туч,
И воздух заревом расслоен.
Он зыбок, будто океан,
И полыхает, розовый и сизый.
Над озером вздымается туман,
И ряска зеленеет ризой.
В глазах пылающий закат
И мол на отмели простора,
Бурьяны пустыря и тусклый сад
В подробностях строительного сора.
И с запада — хоралы облаков
Под сильные гудки порталных кранов,
С востока — звёздный след подков
И шлемы золотые храмов.
И в сумерках глядишь туда,
Откуда колокол чуть слышен,
И, точно звон, прошедшие года
Опять проносятся над крышей.
И вот уже совсем темно.
Над городом зажглось электропламя.
И купола давным-давно
Чернеют мутными стогами.
Тогда стенает неба тишина
Громоздкими аккордами органа.
И жизнь твоя по гроб не решена.
И даль глуха, как прежде урагана.

ПОЛДЕНЬ

Корзиной линий, тяжестей, объёмов
Ломился сад, налившийся в плоды.
Там средь ветвей на ртути водоёма
Светилось лето блюдом золотым.
Там в воздухе лениво шевелились,
Как водоросли, волосы травы.
Сквозь подорожники на вытоптанной глине
Следило солнце за жуком в пыли тропы.
Там яблоко томилось от вздутья,
Тревожно нависая и круглясь,
И тут же, в стороны выпрастывая прутья,
Внезапный вихрь пускался в пляс.
Я загорал, уткнувшись подбородком
В медовый полдень медленных шмелей.
Один из них, пузатый и короткий,
Сосал цветок в зелёной тишине.
Другой над головой моей метался
И дул в фагот, свой оглашая лёт.
Двух мотыльков качало в танце.
Цветы накапливали мёд.
Мне ленью голову томило.
А тело внятно мыслило само.
Оно с травой цвело неуловимо.
Я прорастал, ветвист и босоног.
Весь сад был едким зельем переполнен.
Он бражничал в опаловой жаре
Лучей и бликов, зайчиков и молний,
И отражений водной ряби на коре.
И эта, в семя прущая травища,
И эти ягоды, созревшие на срыв,
И этот сок стволов коричневых
Вдруг брызнули, во мне заговорив.
И я узнал родство свое по крови
Со всем гудящим садом дневных сил,
И ощутил вселенское здоровье,
И, точно куст, листвой зашевелил.

* * *

Сегодня солнце так светило,
Как бы в последний раз
Зеленый дол позолотило,
Жалея мир и нас.
О лете чудном, быстротечном
Шептал прозрачный свет,
И на лице его предвечном
Сиял улыбки след.
В лесу осеннем и прекрасном,
Седом от паутин,
Стояла скорбь при небе ясном,
Успенский карантин.
И листья в простоте смиренной
В предчувствии зимы
О перемене постепенной
Задумались, как мы.
Притихло всё в живой природе:
Кусты, осока, луг..
Всем стало слышно на свободе:
Тенёты ткёт паук.
Но солнце в небе так блестело,
Как бы пришла весна.
Тогда над лесом пролетело
Крыло не смерти — сна.

НА БЕРЕГУ

Раз у окна я наблюдал закат.
Мне показалось: жаркий диск наполнен,
Как парус, тихим временем небес,
И оттого наш день так величаво
За горизонт спускается, и я
Сижу на берегу, как древний эллин.
Передо мной лазурный Океан,
И Гелиос в нём поднял ясный парус,
Дабы объехать за ночь нашу твердь
В своём челне, и завтра о заре
Разгорячить крылатую четвёрку
И на небо подняться в колеснице.
И вот, едва пришло мне взять словарь,
Чтоб уточнить по нём детали мифа,
Ну, мало ли чего да не напутать
В Гомеровых делах, я оглянулся
И вдруг увидел вечер.

* * *

За садом вздрогнул свет и, падая, погас.
Деревню усыпил свирелью Волопас.
И в тёмной тишине в тональности A-dur
Валторной золотой даль огласил Арктур.
И тут же за бугром ему ответил пёс,
И сумрачный эфир осиплый лай донёс
До самых дальних звезд — туда,
                  где Млечный Путь —
Прозябшая река, мерцающая ртуть...
На поле пал туман. В овраге фыркнул зверь.
Всё, что душе дано, — не завтра, но теперь,
Пока с реки сквозняк трубит в тебя,
                  как в рог,
Ты — то же, что вода, и, как река, продрог.

* * *

Жара. Уж Солнце высоко.
И запахом берёзы
Напоено всё. Итого
Поэзии от прозы
Не отличить. Распарен весь,
Курю и чай глотаю.
В глазах от жара Солнца резь.
Стоит жара золотая.
И, стих записывая, свет
Я на странице вижу,
Июньским Солнцем разогрет,
На Солнце неподвижен.
И дерево передо мной
Листвой слегка качает,
На голос Музы молодой
Ответствует молчаньем.
Его я наблюдаю, жду —
От ветра встрепенётся.
Так с юной Музой в саду
Лишь ждать мне остаётся.
Нагрянет летняя гроза,
Сверкнут удары молний,
И небо в ливне, как в слезах
Покажется огромней.
Оно тревожно полыхнёт.
И гром вдали раскатист
Поведаёт, что жара гнёт
Прошёл. Прочтён акафист
Июньской золотой жары,
И в мире посвежело.
Так изнываем до поры
От зноя и без дела

Томимся. А пройдёт гроза
И напоён озоном
Июньский воздух, весь в слезах
Дождя. И далью сонной
Так растомлён, что мысль во мне
Стоит водой в сосуде.
Гроза. Шиповник перед ней
Благоуханней будет.

КАТАКЛИЗМ

Перед грозой жара, как дух,
Парит над яблоневым садом,
И воздух ужасает слух
Неразорвавшимся снарядам.
Такая в мире глухота,
Как в Судный день пред трубным гласом.
И, точно порох, — духота,
И небо падает фугасом.
И даль пылищей смещена
В небытия стоячий хаос,
Где даже тень умерщвлена
И сад провис, как блеклый парус.
И ожидать уже нельзя.
Нужны подземные удары,
Чтоб тучи, медленно скользя,
Обрушили на мир кошмары,
Чтоб, ошибаясь каждый миг,
Зигзагом вспыхивало время,
И это был вселенский сдвиг —
Пространства сброшенное бремя,
Чтоб хлынул дружный водопад,
Смывая прошлого приметы,
И содрогался невпопад
Простор прогневанной планеты.

КЛАДБИЩЕ В ЛЕСУ

1.
Как тянет в кладбищенский лес,
Где сосен мерцающий блеск
И тишь от вершин до небес,
И горнего облачка брезг..
Как тянет в кладбищенский лес,
Где горек валежника треск,
Где тени стволов и кресты
В забвенье наводят мосты.
2.
Там солнце бессмертно молчит,
Во мху утопают лучи,
Кукушка из чащи звучит,
В овраге мелеют ключи,
Вдали электричка стучит,
Динамик орёт с каланчи..
Там вечная шепчет хвоя,
Там где-то могила твоя.
3.
Там каждый разлапистый куст
И каждый щебечущий лист —
Пророк, богослов, златоуст,
Апостол и евангелист.
Ужасен песчаника хруст
И почвы состав каменист,
Но трудится творческий плющ,
И камень становится сущ.
4.
Но это еще не конец.
Вглядись в эту морщ на коре!
Под ней накопленье колец.
То память о лучшей поре.

Так помнит скворешню скворец
В заморском своём декабре,
И есть эта грусть о земле
В скитаниях на корабле.

5.

Пускай же нам грезится путь
Туда, где дороги не лгут,
Откуда себя не вернуть,
Куда нас деревья зовут.
Ведь, если немного рискнуть,
Кладбищенский лес — это суд,
Где каждый из нас предстоит
Пред тем, что Природа таит.

6.

Чего же бояться, чудак!
Животного страха тщета
Сдаётся с досье на чердак,
Душа мертвецам не чета.
Приятен ей траурный мак
И нищая правда креста,
Затем что кладбищенский бор
Шагает за дом и забор.

7.

Пойдем же туда посидим!
Веди меня, Время, веди!
Там приторен тлеющий дым
Венков прошлогодней беды,
И манит войти молодым
В прозрачные сосен ряды,
Где можно расслышать в тиши
Кукушку бездомной души.

* * *

Н. А. Козыреву

Ясней и тише год от году
Вспоминанья детских лет.
Не тьма ли в ясную погоду
К нам приближает звездный свет?
День ото дня все различимей
Судьбы знакомые черты,
И время внутреннее зримей
Во сне из внешней темноты.
Не оттого ль стареть грустнее,
Что нас младенцы мудреней,
А ночь, кромешней и темнее,
Чем вечер, вызвездит верней?
Но чем страшней и бесприютней
Наш быт глядит из мелочей,
Мы тем подробней и минутней
На черной плоскости ночей.
Там в чудных сумерках сознанья,
За гранью умного, в душе
Слоится время созерцанья —
Сон с полуявью на меже.
Мерцают памяти глубины,
Которой нижние пласты —
Младенчество, до сердцевины
Тверды, кристальны и чисты.
И там, из глубины внедрённый,
Свет — перводвигатель причин —
Шар золотой и раскалённый —
Лик первобытный без личин.
Он, сам себя не сознавая,
Прекрасен, цел и просветлён,
Как бы звезда, не остывая,
В холодный космос погружён.

И, оболочкою эфирной —
Душой младенческой одет,
Сквозит в материи всемирной,
Как бы мгновенье в бездне лет.

* * *

Будет небо сплошной оглушительный шар
В синем зареве медного полдня.
Раскалённых лучей ослепительный жар
Вспыхнет славою Лета Господня.
Будут медленно длиться веков облака,
И в немислимом их промедленье
Ты почувствуешь вдруг, как печаль велика
Видеть Землю с небес в отдаленье.
И очнёшься, душа, и окажется вдруг:
Ты дремала, как небо издревле.
А во всё это время в тебе и вокруг
Вечный Разум сквозит и не дремлет.
Он, как тайна и страсть, проникает во всё
И живет глубины прорастаньем.
Это Он так щемяще томит и сосёт —
Мир смущает неведомым знаньем.
Это Он, это Он и в жуке, и в траве,
И во всём, что в томлении дышит.
Видишь, мыслит в ладони твоей муравей,
И трава себя творчески слышит.
Так и ты, так и ты Его должен сознать!
Потому и разлётся в сторонке —
Весь в слезах, муравья со щеки не согнать,—
Столько страха, как счастья в ребёнке.

НАША РЕЧЬ

Певучесть есть в морских волнах.

Ф. Тютчев

Да что там строить гам безречья речи!
Расползшейся стремниною морской
Она теряет образ человеческий
В бурунах болтовни мирской.
Разлезься, ткань стиха! Разлейся ранью
Доисторической — безвременьем окрест!
Подарок предназначен умиранью.
Не выдаст Бог — свинья не съест.
Да пропади ты пропадом! Что строить!
Морскую хлябь? Но в ней певучесть есть
Тоскливая... Звериный смысл устроить —
Вот мыслящего возрастанья мечь.
Лети, немецкий строй, к чертям собачьим!
Zum Teufel!* Не до готики! Прижить
От чудища там что-нибудь такое,
Что сможет по-морскому ворожить.
Природа... Сей провал в сознании нашем —
Слепительная женщин красота.
Пускай она зовёт в мужчине ражем
Гремучий зык, сминающий уста!
Целующий, кусающий, сосущий,
Съедающий — сосущий есть среде,
В которой смысл — младенец лишь орущий
До языка, до рыбы в той воде.
Немотствующий зык ещё до всплеска —
Вот наш язык, на коем наша речь
Молчанию обучена, как леска
Ловца. Возможно ль этим пренебречь?
Молчи, певец! Назначенное пенье,
Обуреваемая в тёмной тишине
Молчание твоё уже — мученье
Мычанием в слепящем полусне.

* К черту! (нем.)

Очнёшься ты, и зренье станет речью
Осмысленной. Воскликнешь: Как светло!
Когда-то мысль живую, человечью
Воспримет звук — сквозящее стекло.

И Слово первозданное восстанет
В добропобедном образе твоём,
И то, что в глубине сознания стонет —
Морская мощь, которой мы поём,
Растущим строем тростниковым станет,
Роптанием во весь души объём,
В котором сам пловец уже не тонет,
Но постигает моря окоём.

ЯБЛОКО

Что Ньютоново яблоко в падении!
Я этот плод румяный раскусил.
И предо мной минувшего виденье,
Украденное юности владенье
Чернеется, как я того просил.
Всего-то зёрен в мякоти осенней...
Но план цветка душистого вполне
Напоминает пламя Воскресенья
И лепестки надежды на спасенье
В цветущей силе, в сочной глубине.
Так видим план весны первоначальный
По осени, вкушая поздний плод,
И падающей тяжестью печальной
Простой цветок в округлости прощальной
Нам в этот миг паденья предстает.

ПЕСНЯ О ПОБЕРЕЖЬЕ

Сюзанне Масси

Ночь размоет горизонты, небом оденет мир,
Опустит завесу тайны, тьмою размоет явь,
Приблизит земле просторы звёздные, пустит вплавь
Костры побережья, искры вверх понесёт, в эфир —
Туда, где метеоритов искры летают, где
Земля — голубая чаша, полная тишины,
Видна далеко, откуда души глядят на нас,
Ангелы где стремятся — каждый своим путём.
Ночь приблизит мне дорогу — Млечный великий Путь,
Освещённый чем-то сверху так, что и тень моя,
Малая там в России, в ненастном сейчас краю,
Ложится крылом огромным на твердь дороги теней.
Потеку дорогой этой, трактом ночных коней,
Всадников невесомых, кентавров, и тень мою
Понесут молчанья силы, затем что во сне пою.
Но куда дорогой горней выйду? Кругом леса...
Ельник, чаша... где-то море моет песок, стучит
Чем-то гулким, гладкой галькой, раковинной звучит.
О, Земля! валторну слышу. Тявкает ночь, лиса.
Заливаются собаки. Люди галдят вблизи.
Под ногами камни, хворост... Берег!.. Vivat, Колумб.
О, Атлантика! Затишье.. Вот он — и Океан —
Бухта плаванью ночному. Слышен такой объём,
Что возможно мир представить мерным,
вместить в пеан,
Раскачать его размером Времени, окоём
Ширить звучными стихами, с Господом быть вдвоём.
Так лежу и свет сновивжу звёздный, в душе гляжу.
Фрамугу туман завесил. Стёкла стегает дождь.
И куда там из России! Разве что на метле!..
Пойду посмотрю на кухню, что там кипит в котле.
О, Атлантика ночная! Молча босой бреду.
Тень моя, хо-хо, босая, тень моя, хо-хо, босая,
Тень моя, хо-хо, босая у янки на виду.
Взбредёт ли кому из этих янки со мной шутить?

Взбредёт ли кому такое — призрак на берегу
Повстречать, и ни словечка босому, о, ни гу-гу?
А ведь я не стал бы, право, и с сатаной финтить.
Рыбаки — народ надменный, молча смотреть привык.
Я из этого народа. Молчанье — моя страна.
Ельник тихий побережья, лапу ему пожать
Подойду... залив ли Финский, Вселенский ли Океан
Разве Творцу противно земли душой сблизать?
Так сижу и помышляю. Язык мой сегодня прост.
Дождь окончен. Дело Бога. Я же не старец Фрост
Радоваться работе, хотя бы и слыл таков.
Янки дрыхнут в самолёте. Сколько их... облаков!

ДО СТИХОТВОРЕНИЯ

Гром поздний — весть из глубины бывшего
Зигзагом в тучах явленного Слова —
Потряс мой слух и, рассыпая эхо,
Ядром отшелушился от ореха.
Но слышал я, и это прежде грома,
Как бы трещала в пламени солома,
Сухая тишина во мне пылала,
Потом завеса зрения упала.
Тишь рухнула за миг до катастрофы.
Уже тогда я мог расслышать строфы.
Но до события был порог затмения,
И он страшней, чем яркий миг творенья.
Когда же туча, рухнув, полыхнула,
Врасплох застигнут, я оглох от гула
Эфирного, как бы, помывлив зримо,
Постиг ужасный образ Серафима.

НОВАЯ ЭРА

Как же долго в пути корабль твой, Новая Эра!
Не видать парусов. Многовесельной речью галера
Вдоль громоздкой державы, вдоль лужи
Выгребают — сороконожка снаружи,
Раздувная гармошка хрипит изнутри.
Задышается, бедная... Что же ты! Слёзы утри,
Черепашка-душа, лира чёрная! Слышен прибор.
Это щепы эпохи на гальке галдят наперебой.
Это цепи на веслах грохочут. Галерный режим
Коротает пространство. Не Время течёт — мы бежим.
Гей! Эгейское море, галерная власть!
Архипелаг. Парусина, чему не пропасть.

ТАМ ВДАЛИ

Над крышами застроенной округи
Обыкновенный чистый край небес,
И тишина, и черные антенны...
На запад раскаленной полосой
Стекает свет, в песке блестит бутылка,
Точь-в-точь хрусталь, — мгновения поток,
Всплеснув, ее тотчас же подхватил
И погасил, а сам несется вскачь
Вдоль пустыря, сверкнув консервной банкой,
Песчаником прощально полыхнув,
И, обмелев, теряется из виду,
Как будто солнце высосал песок.
А парус, парус...
    Это был мираж.
Вечерняя уходит электричка.
Повис гудок... Я слышу: вдалеке
Ночная птица плачет без причины.

ГИМН АВГУСТУ

Август! Август! Месяц Божий,
Спасов месяц, месяц птиц,
Полногласный, солнцекожий,
Гром без молний и зарниц.
Скоро Спас Преображенья.
Осень, мир преобразуй!
Оживи воображенье,
Ход вещей живописуй!
Август! Август! Совершенье
Дней, растений, рост детей,
Срок взрослеть, варить варенье,
Ждать осенних новостей.
Вот и дождь, кончина лета,
Обложная тишина,
Спад жары, прощанье света,
Грусть и новая луна.
Август! Август! Увяданье,
Убыванье в прошлый год,
С дненью будущей свиданье,
Месяц — вечер, месяц — плод!
Здравствуй, новый и старинный,
Небывалый и бывлой,
В сапогах болотных длинный,
С костерками под золой!
Август! Август! Август — время!
Звук валторны золотой!
Чай, охотничье племя,
Лето с полной калитой!
Гой! Ликуй, Илья-пророче!
Август, август в небеси!
Время ловчих полномочий:
Гуси, лоси, караси...
Август! Август! Изобилье,
Преизбыток... Мир богат.
Но, увы, и тут развилье:
Речка, лес, болото, сад...

ОТ СОТВОРЕНИЯ МИРА

Пора вечернего тумана —
Закат: речушку бьёт озноб,
С востока влажной мглы потоп,
А запад — ножевая рана.
Так умирает летний день
В долинах рек, в долине Леты.
Природы ветхие заветы
Всё те ж: был свет, да будет тень!
Пора предутреннего мрака —
Туман: река темна в тоске,
Мягутся тени на песке,
Запел петух, ворчит собака...
И вот уже родился звук.
И хаос, не успев помыслить,
Построен, мига не исчислить,
Светает сразу, как бы вдруг.
Тогда туман росой прозрачной
Падёт в резучий строй осок,
И зарумянится восток
Над местностью, к примеру, дачной.
И реки обозрит пастух,
Дол огласит рожок привычный...
Таков кнута закон первичный:
Стегай, едва пропел петух!
И это — день от солнца сытный.
Так ветхий обновлен завет:
Был мрак, но да пребудет свет,
Кнут изначальный, первобытный!

ПРЕОБРАЖЕНЬЕ

Вслушайся, стихни, взглядись!
Вечер в природе.
К солнцу очами садись!
Вечность при входе.
Время ночами грядёт,
Лета Успенье.
Осень в молчанье прядёт
Преображенье.
Лес паутиной зарос,
Травы седеют.
Август в полях — плодонос.
Листья рдеют.
Август-садовник стоит
С солнцем в корзине.
Жаром жаровни облит
Лист на осине.
Рдеет в осоке река.
Тени лиловы.
Времени зреют века —
Мига основы.
Ночью придёт звездопад,
Лето продлится.
Утром же мир-вертоград
Преобразится

ГОЛУБАЯ ЛУНА

Ночь не спал, и не буду,
И уже не хочу.
Чуть печален, как Будда,
Слух нирване учу.
Весь внимательно внемлю
Голосам тишины
И спускаюсь на землю
Паутинкой с луны.
А по мне, как по леске,
Лезет мир-паучок.
От окна к занавеске
Тянет мглы сквознячок.
Ничего так не надо,
Как молчанья душе.
Средь немого надсада
Ты услышан уже.
Эта ночь пред тобою,
Точно лотос в воде,
И холстиной рябою
Мрак приколот к звезде.
Он сиянием лунным
В темноте побеждён
И молчанием струнным
К тишине пригвождён.
Весь пронизан душою,
Он редееет к утру,
Будто речью чужою
День шумит на ветру.
Исчезают виденья.
Отошла тишина.
И, почти дуновенье,
В небе крадется тенью
Голубая луна.

МЕДИТАЦИЯ

Есть и в молчаньи внятнй смысл,
Как жалость в самоистощеньи —
Секрет весов и коромысл,
Виденье истины в смущеньи.
Когда кончаются слова,
В права вступают тишь и мудрость,
И ты, как вещая сова,
Роняешь крик в ночную бодрость,
Взлетаешь тенью в тишину,
И в ней немислимо таишься,
Покамест крылья в вышину
Не подтолкнут, к земле стремишься,
И замечаешь мох и мышь,
Они тебе еще понятны,
Но наступает мысль и тишь,
И эти так невероятны
В неощутимости словес
И так среди деревьев сиры,
Что ты теряешь твердь и лес,
И мышь, и звезд ориентиры.
Тебя подьемлет в высоту
Эфирный смысл души незримой
И крик: Ату его, ату!..
То — звук не истинный, но мнимый.
Его и надобно. Гляди!
Все, что за ним, — твоя природа.
Уничтоженье впереди
И истощенье, и свобода.

* * *

О нет, я не скажу магического слова.
Я не начну его однажды снова
И не обмолвлюсь даже перед милой
Когда придёт, заплачет над могилой
В ночи моей родимой — белой летом,
Я не заговорю гортанным горним светом,
Когда земля найдёт мои глазницы,
Я просто опущу ресницы,
Я промолчу. О, Господи, молчанье
Достойно лишь одно сказать так ясно
Всё, что велел Ты мне, что не сказалось,
Тем самым стало мной и оправдалось.
Я не скажу лишь главного, мой Бог,
Поскольку не язык, а сам я плох
В моих глазах, на коих слёзы — клейма.
Так гиблый Hollander при освещеньи Эльма.
И неудача в них для всех видна
За то, что сам я не увижу дна.
Но нет, не проклят я! Мой стих — молчанья схима.
Он — ясновиденье мирского серафима.
Я оттого стране своей чужой,
Что поле зрения поэта за межой
Доступного иному патриоту.
Но не дозволяй мне, как дозволил Лоту,
Отец Предвечный, Господи, бежать
Содома и Гоморры
И обрати мне взоры,
Как женщине, на все Твои дела,
И соляным столпом содей меня за это!
Я промолчу навек. Да будет вето
На мне и на делах моих хула.
За то, что Родина погибнуть родила!

* * *

Ещё светло. Июль жарою красен.
Но солнце раком пятится по дню.
Однако же июль всегда прекрасен,
Сады и лес питает на корню.
Но в сердце грусть. За ним ведь август,
А там сентябрь и близко к октябрю.
Однако есть в июле жар и благодать
И Бога за дары благодарю.
Придёт сентябрь, и с ним воспоминанье
О лете — благодарность, что цвело.
Сегодня же июль и солнце наше знамя.
Стоит жара стихиям всем назло.
И целый месяц впереди. Зажмурюсь
И вмиг плыву, плыву — когда и жить?
Июль ведь раскалён, медлителен, безбурен.
И на боку зажмуриться и плыть.
Плыву в необозримое пространство
И время. И слоится мыслью мысль.
Планета возвращает постоянство
И солнце снова возвратится ввысь.
И сердце плачет, плачет и рыдает,
Что жизнь необратима навсегда.
Но впереди июль ведь правду знает.
Ещё светло. Что засветло рыдать?

* * *

Если взором продолжить
Разумную грусть
По-над нажитью, нажить
Окажется горсть
Отмолоченных зёрен,
И вздорен
Станет этот закатный полей окоём,
Оттого, что не с ним, но с тобою вдвоём
Ты грустишь, и от грусти немеешь,
И сказаться душой не умеешь.
Ты есть ты. То есть где-то пудов
Этак пять мясоеда червям, и годов
Тебе двадцать и семь.
Вся и земь,
Что тобою на небо
Устремила два глаза, и оба
Продолжают её.
Всё, что в них на сегодня — сегодня твоё.
А на завтра?
Это знает, поди, твой биограф и автор
Всех твоих не доживших до возраста слов.
Лишь себе, не ему, ты не скучен и нов,
И ещё не закончен,
Хоть под корень раскачан.
И сегодня ты смотришь ещё на закат,
Разве грустью и горем покамест богат,
Но уже беспредельно,
И дельно
Это слово твоё, оттого, что его
Не сказать, а за ним не стоит ничего,
Кроме жизни и грусти,
Да молчанья в контрасте.

И когда ты продолжишь глазами всю тишь,
Всё, что в сердце скопилось,
Ты увидишь: и это приснилось,
И зрачок заливают горячая тушь
Бессловесного дара и муки,
Что недолго, поди, до разлуки,
До разлуки с тобой и душой,
Что мерещится где-то за дальней межой,
Там, где нажить пожухла, и тень
От скирды указывает, что день
На сегодня окончен,
Так багрово тот край оторочен.

* * *

Всему свой срок: прошёл ли день,
Настала ль ночь,
Старее свет — рослее тень —
Час в час, точь-в-точь.
Скудеет солнце — в свой черёд
Густеет мрак.
С июля задом наперёд
Созвездье Рак.
Грустнее лето? — Ну и пусть!
Печалей три:
Вначале жизнь, позднее грусть,
А там умри.
Но впереди вся осень, там,
Гляди, зима.
Всему свой срок, всё по местам:
Тюрьма, сума...
О, человек, ты сеешь, жнёшь
И кормишь птиц.
Скорби тогда, когда умрёшь,
А нынче цыц!

ШИПОВНИК

Стою, отцветши, как шиповник,
Не примечаемый никем,
И век мой сам себя не помнит
На охлаждённом сквозняке.
А были дни: благоуханье
Преизливалось через край
И леторасли полыхали,
Медовых пчёл кружился рой.
И гостя пёстрая садилась,
Мерцая бархатом крыла,
И вся душа моя цвела
И вихрем лепестков дымилась.
И утром девушка порой
Небрежною рукой срывала
Мой дикий розан тёмно алый,
Ещё росистый и сырой.
И ярок в чёрных волосах
Был для неё росток цветущий.
А ныне вся моя краса —
Румяный плод на ветке тощей.
Стою, роняя лепестки,
Пыльцу на землю отряхая,
Весь колыхаюсь от тоски...
А рядом — бабочка порхает,
И всё никак не разберёт
Где этот мир такой нарядный?
И, весь в плодах, шиповник рядом
Всё лепестков не соберет.
И я гляжу на этот куст
И, ранен веткою колючей,
Сжимаю яблоч самый лучший
В руке, и забываю грусть.

Всё, что душе моей дано,
Да будет столь же безответно,
Как тот шиповник неприметный,
Взращённый в будущем со мной!
Да возвратится же и плод
В неиссякаемую почву!
И всё, что с ним произойдёт,
Быть может, к небесам дойдёт
Благоухающею почтой.

* * *

Такие в августе бывают вечера.
Блеск облаков над крышами неярко,
А Ленинград твой росчерком пера,
Почти как встарь, намечен без помарок.
Его старинную простую красоту
Ты незатейливой душой припоминаешь.
И остановишься невольно на мосту.
Куда плывёшь, едва ли понимаешь.
Такие в августе бывают вечера —
Преданья Достоевских, невских арок.
Мерещатся притоны, кучера
И парус рыбака, и скрип флюгарок.
И финский вечер тот же, как тогда,
Но с примесью промышленного дыма.
Варяжской Ладоги былинная вода
Цветной мазут несёт неуследимо.
Такие в августе бывают вечера.
Мерцает солнца тающий огарок.
И всё, что было милого вчера,
Внезапно вновь даётся, как подарок.
И ты глядишь на медленный закат,
Не зная сам на что ещё надеясь.
И прошлое милее во сто крат,
Чем весь твой век, которым не владеешь.

* * *

Как долго я ни бегал от себя,
Как ни ленился, как ни гужевал,
Во мне родник души не заживал,
И я не запустил, как ни губя,
Ни голоса, ни слуха,
Но в силу жизни и бессилья духа
Я дожил, наконец, до дня,
Что вот уже и нет во мне меня.
Я запустел, как пустошь, до того
Цветущая. Но как-то позаглох
За временем сладимый ли горох,
Иль вяжет глушь, но тихо, никого.
Ни женщины, ни друга.
Давно не мыта пыльная фрамуга
И мусор на полу загряз
Беспамятством того, что в прошлый раз.
Но мне ль жалеть того, что было мной,
Когда не помню, что я и зачем!
Сижусь в углу, и нет меня. Ничем
Не выдам, что не призрак, не живой,
Не автомат, но нечто,
Что говорит, как, запоздавши, почта
По смерти адресата чересчур
Уж точно длинным запахом микстур.
И всё-таки пишу, зане Аид,
И тот не столь ужасен для теней,
Как память медливших когда-то дней,
И оттого пишу почти навзрыд,
И сетую, и тихо
Гляжу, как бычья кровь на Псамметиха
Сам на себя, и кровь во мне,
Как соки в свежеспиленном бревне.

И если совесть наша на суде
Вот так же задубеет в драме, я
Был приготовлен, и душа моя
Прострацию найдет в своем стыде,
Смиренно примет кару,
Поскольку не бывает без прогару
Ни веры, ни надежды, ни любви,
Ни чуда, как его ни назови.
За то и отрешён от всех вещей
Мой честный старый слух, что вещь
Не знает, что такое пещь
Сомнения. Скупая, что Кашей,
Она хранит свое безличье,
Не ведая стыда. И в том различье
Меж нами, что скорбит душа,
А труп вещественен и в форме, и дыша.
И правда сердца только в том и есть,
Что ужас жизни остается ужас
И в жизни. Оттого-то, зябко ёжась,
Я возглашаю: мечь, святая мечь
За униженье жизнью не в бессмертье,
Но в жизни! Если ж в петлю лезть, поверьте,
Нам остается петлю пережить,
Иначе, больше нечем дорожить.
Примерно так я рассуждал, когда
За окнами гроза сбиралась. Вдруг
И собралась. И я услышал звук
Ещё далекий, но уже сюда
Достигший мигом.
И, точно в день последний, сдвигом
Безвременья из тьмы на свет
Возник пейзаж и Мира силуэт.
И я постиг себя при свете том,
И неожиданном, и жутком, и крутом,
И тьму раздравшем,
Как будто мысль природы показавшем,
Что набралось, поди, по закромам
Энергии, не то что вам,
Умам смердящим,
Но сразу вдруг дохнуло настоящим.

И вот, уже воскреснув из угла,
Гляжу на чудо.
Передо мною Мир лежит, как блюдо,
Мерцая так, что молнии игла
На нём светла мгновеньем,
Едва коснешься этой мысли зреньем,
Едва смычишь,
Как Слово раздерёт пейзажа тишь.

ТИШИНА

Кто мне скажет, что такое тишина?
Эта музыка мелодий лишена.
Точно выцветшие нотные значки,
Расползаются по стенам паучки
И натягивают струны на карниз
Там, где муха, незадачливый горнист,
Протрубив свое последнее «прости»,
Не успеет даже дух перевести.
Кто мне скажет, что такое тишина?
Это искренность. Немотствует она.
Потому что настороженную тишь
Лживым ухом ни за что не различишь.
Даже если ты оглохнешь, или вдруг
Позабудешь, что и время — это звук,
Даже если у безвременья в плену
Кровь звенящую ты слушаешь одну.
Кто мне скажет, что такое тишина?
Это грусть моя, в меня не вмещена,
Непомерна и вещественна, стоит
За душою и черты свои таит
В тихой звездочке, мигающей слегка,
В мерном шорохе седого паука,
В ритме мысли и дыханья без конца,
В вечной ясности Господнего лица.

осень

* * *

Какое солнце! Неба сколько!
Как жарко раскраснелся лес,
Весь в ослепительных осколках
Стекла сверкающих небес!
Дрожат пылающие клёны,
Роняет липа жаркий лист,
Звенят берёзовые кроны,
А воздух ясен, сух и чист.
И столько шири вдруг в округе,
Что прозвучит во весь простор
И писк синиц, и чья-то ругань,
И смех, и кашель, и топор.
Когда бы это полыханье
Под звук веселый топора
Стеснило вечности дыханье,
Пришла бы и моя пора.
Но я стою неопалимый,
Вдыхаю времени дымок,
Осенний и неуловимый,
И мой платок от слез намок.
Шепчу в припадке грусти — Боже!
Твой мир... Зачем и я не с ним,
Когда, как он, пылаю тоже,
Когда, как он, непоправим!

НА ГРАНИ ОСЕНИ

1.
Жара стояла вплоть до сентября.
Но и тогда не наступала осень.
И старость не коснулась вечных сосен,
Как вдруг сказала власть календаря.
Еще вчера, когда почил лето,
Взошла луна, долины серебра.
Она была старинней эполета,
На вицмундире вечности горя.
Но мутный знак стареющего света
Не понял я, по правде говоря.

2.
И вот теперь, уже за гранью дня,
За перевалом лета в полуночи,
Я постарел и прежних полномочий
Не возвращу. Они не для меня.
Я их забыл, не помню, забываю,—
Молчу и плачу, голову клоня.
Гляжу на осень, сипло подвываю
И слёзы лью, едва ль кого кляня,
И с сентябрём куда-то убываю,
Минувшего, как писем, не храня.

3.
Но, забывая древний горизонт,
Я помню современности приметы —
Двадцатый век безвременной планеты,
Где все на всех — смертельный этот фронт.
И я, как все, в бреду военных слухов
Ищу на карте мрачный Ахеронт
И город Дит — столицу злобных духов,
Кого от Данта не спасёт и грунт,
Чуть серый цвет шинелей и треухов
Сойдёт на нет и замирится бунт.

4.

Пускай же небо тяжелей свинца,
В разрывах мрака синева поблекла,
Но летнее замедленное пекло
Сквозит загаром в бледности лица.
И я дивлюсь на выжженную зелень.
Лес, точно печь цветного изразца,
Где мир в огне, горяч и неподделен,
Хранит следы разумного резца.
И если упаду в него, прострелен,
То и тогда в нем свету несть конца.

***

Всю неделю, спускаясь за почтою вниз,
Возвращаюсь и вижу: не сел на карниз
Голубок запропавший,
И страшен
Впереди отуманенный Балтикой день,
И мечусь по квартире, продроглая тень,
Точно парус бумажный.
Всю неделю под окнами лужу трясёт,
И листья опадают, и дождик идёт,
В сердце смотрит рябина.
Дребезжащей фольгою березы звенят,
Осенние грозы прощально гремят,
И глотает свинцова глина
Вспышки ультрамарина.
Всю неделю не знаю: живу или нет.
Лишь во сне уходящий мелькнет силуэт
Тихой женщины в белом...
То ли почта потеряна где-то в пути,
То ли точно, что времени должно уйти,
Только роща берёз между делом
Поредела.

НОЧНОЕ ДЫХАНИЕ

Что не спится тебе? Всё лопочешь, бормочешь устало.
Не садись у окна! Заглядишься в осеннюю мглу.
И стихов не шепчи, чтобы тело дрожать перестало!
Отвернись от луны! Завернись в одеяло в углу!
Осторожней дыши! Чутко слушай дыханье деревьев!
И вникай в растворенье невидимых туч!
И себя самого полуночной природе доверив,
Мировой тишиною в молчанье не мучь!
Не дыши, точно йог, выдыхая в пространство тревогу!
Сердце в руки возьми! Пусть оно отдохнёт!
И выравнивай пульс! Ты забудешь себя понемногу.
Слушать собственный ритм... Иногда это — медленный гнёт.
Не ворочайся, жди! Боль тебя понемногу отпустит,
И уже поплывёшь над собой в тишину.
Но не бойся во сне беспричинно нахлынувшей грусти.
Это память души у дыханья в плену.
Это память любви — твой далёкий оставленный берег —
Память всех берегов, от которых тебя унесло.
Это грусть горизонтов неузнанных волн и Америк.
Это память рожденья. Считай, что тебе повезло.

В СРЕДЕ ПУСТОЙ

А. Арьеву

...И вот уже и осень подошла.
Ужасная, стоит не шелохнётся
В пустотах страха пустошь тишины.
В пустотах краха жуть не шевельнётся,
Лишь грусть осатанелая метнётся
В пустот-разруху, в пот-проруху, в сны,
Да снов мосты в пустотах сожжены.

О, если память матерью умёршей,
О, если память только в том и есть,
Что — пешеход мимоидущий, спёрший
Пейзаж, стоящий в сердце, если горше
Ты не обижен жизнью, то и мечь
За жизнь одна — пустот гремящих жечь.

С тех пор и ты помечен серединою,
Как пустошью Успенского поста
Прошёл и тусклой памятью одною
Тишь одолел, в ушах сплошной стеною
Стоявшую, как бы пролет моста
Сожжённого. И пропасть сна пуста.

Вот что открыло время, чемдохнуло,
Что распахнуло к сроку, тех пустот
Безжизненных, откуда жутью дуло
Ещё всегда, но вдруг захолонуло,
И душу прошибает смертный пот.
Мгновенье, стой! Не пропори живот!

Оно идёт. Оно уже в пейзаже.
Оно, смотри, в пейзаже — пешеход.
Из жерла что ли трубочистом в саже,
Из жерла ночи: Млечный Путь на роже
И тишиною перекошен рот.
Оно идёт уже наоборот.

С тех пор, как память маленькой плутала,
С тех пор, как в трёх соснах она дитём
Аукала, с тех пор, пока хватала
Пейзажей, да и сбрендила, устала.
И вот, поди, мы с нею вспять идём,
Точнее, чуда ищем, не найдём.

Ещё с тех пор, когда был настоящим
Необратимый жизни Страшный Суд,
Ещё когда передо мной, стоящим,
Шло время пешеходом тем зловещим,
Чьи ноги так без удержу идут,
Что не спастись уже ни там, ни тут.

И вот прошло уже едва ли не полжизни,
Едва ль уже не молодость... Постой!
Эй, не вертись, простор, и в харю дрызни
Землём, остановив её в отчизне
Твоих пустот, где сам ты молодой!
Останови разбег её крутой!

В среде пустой стою, как осенило,
Постигнутый осенней тишиной.
Пейзажа нет. Ничто не заменило
Того, что в сердце память затемнило
И, расточив себя, ушло иной
Дорогою — незримой, но земной,

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Ю.Ш.

Давно так не звездило по ночам.
Всё осень, осень, облака да тучи...
Эпохи поворот тем круче, круче,
Чем чаще люди ходят по врачам.
Увы, меня не тронула простуда!
Хоть весь продрог, я не о том скорблю.
Смотрю в пучину в жуткой жажде чуда,
Но не дано разбиться кораблю.

Давно так не звездило по ночам.
Всё ветер, ветер, сумрак и ненастье...
Пусть непогода треплет наши снасти,
Но бури нет и дождь по мелочам.
Так муторно, что хочется к причалу.
Но берег, берег... это позади.

И плаванье не обратить к началу,
Когда еще бессмертье впереди.

Давно так не звездило по ночам.
Всё свечи, свечи, тусклая каюта
И паруса в полете без приюта,
Да ржавчина по доблестным мечам.
И, ужас наводящая, свобода,
Когда покой, как призрак в тишине.
И дух не утоляет непогода,
И вечный парус, парус при луне.

Давно так не звездило по ночам.
Всё бегство, бегство: комната и книги...
В пространстве туч имперские квадриги,
В эпохе даты — всё по палачам.
Лишь палуба Летучего Голландца
Вне времени, законов, перемен.
Но и на ней опасно без баланса, —
Свободен дух, но и скитанье — плен.

НОЧНЫЕ СТАНСЫ

Октябрь не спит,
Хоть и залег листвой в сырую глину,
Вошёл в гранит
Морской знобящей секвой, в сердцевину
Расщелин тех,
От времени осклизлых,
Где тише всех
Грызутся соль и камень, где в облезлых
Чешуйках спит
Гниющая рыбёшка
В то время, как в щелях церковных плит
Поёт Покров, и времени рубашка
В лесу пестрит.

Спит за окном
Трясущийся под утро,
Покрытый льдом,
Хотя укрыт от ветра
Со всех сторон,
И всё ж настало время
Пугать ворон, —
Спит стебель, род и племя
Забывший, спят
На нём черты цветенья,
И, льдом подмят,
Он стал античной тенью
В семье дриад.

И эти два
Уюта: лёд и камень,
Едва-едва
Не заваливши пламень
Октябрьской, брры! —
Трясущей сердце стужи,
Из-под коры
Одевшей душу дрожи —
Два уголка —
Те, что внутри. Снаружи —
Лёд потолка.

И эти два
Единственных уюта —
Опоры две, и те едва-едва,
И эти два
Спасенья от капута
Прошли меня сквозь толщу вещества.
Октябрь впотьмах
Такую тишь устроил,
Так засвербил в душе, что беглый взмах
Ресниц вспугнул, рассеял и расстроил
И то последнее, что преломляло страх.
И образ тот,
С которым тьму сетчатки
Свет проходил,
И вот наоборот
Уже пошёл — октябрь, вблизи нечётный,
Уже идёт за тишины предел.
Летит октябрь.
И за окно всмотреться —
Что распахнуть его, и, точно рыбе жабр,
Не хватит грусти, горечи и сердца
Чтоб взор отвести, настолько он недобр.
Но за спиной,
Когда не Майр дыханье —
Штор колыханье,
Сквозняк дверной.
И если жутко жить,
То ждать подавно,
Хоть время нас торопит, безусловно,
И всё же нечем больше дорожить.

ПЕСНЯ РУЛЕВОГО

Сергею Довлатову

Возвратите мне душу, Летучий Голландец!
Сэр Ван Страатен, тошно молчать у руля!
Этот чортов норд-ост и морей этих танец
В этой стуже всегда где-то возле нуля,..

Как обрыдла мне качка и мчанье по зыби!
Попытать бы на счастье Сторстрёмен, Мальшторм!
На штурвале тринадцатый год, как на дыбе,
Я изверился в штилях, не верю и в шторм.

Но тошнее всего эти гиблые клейма...
Эта слава... Она тяжелей, чем позор:
Знак легенды — огни — электричество Эльма,
И на реях печальный и призрачный хор...

С каждым годом угрюмей ночная работа,
Безнадёжней мечта о Европе родной.
Возвращенье к причалу — постыдная рвота.
В кабаке нам не снести и минуты одной.

Мы, команда бессмертных и проклятых духов, —
Привиденья, не люди, увы, капитан!...
Наша доблесть в миру наваждений и слухов —
Магнетизм реквизита: зюйдвестка, секстан...

Парусами ославлены в век пароходства,
Странной белой вороной на рейдах глядим.
В наше время и снам не прощают несходства
С лжекораном наукообразных гардин.

Нас видали в зашторенный иллюминатор
С пассажирского лайнера и крейсеров,
Нас ловили радары, но тщетный оратор,
Призрак в мире для них, очевидно, не нов.

Но когда, дуракам предвещая погибель,
Мы неслись против бури и шли в оверштаг,
Океан побеждал, крейсер остовом дыбил
И тонул, увлекая на дно бедолаг.

Как мне горько стоять у руля Невидимки
И молчать о виденьях былых катастроф!
Как печально вставать перед явью из дымки
Легендарных, не мною написанных строф!

Как мне больно безмолвье Истории слышать
И в безвременье время своё коротать,
Чтоб у смерти тоску о бессмертии выжать
И по капле ещё не погибшим отдать,

Подвизаться живому среди привидений
Бесноватой ватаги маньяков морей,
Очевидцу пиратских, сектантских радений
Вкруг повешенных прежде на ноках брам-рей!

Мне, как видно, не долго уже остаётся
Сквозь повязку дорогу беды различать,
Но корабль наш и впредь, Капитан мой, споётся
С океаном. За это лишь стоит молчать.

* * *

Чем пристальней глядишь в зенит небес,
Тем явственней с тобой вздыхает лес,
Когда, раскинув руки по корням,
Ты тишину следишь по целым дням.

Тогда в душе ни облачка, и ты,
Как бы упал, как падают листья,
Пока осенний опадает куст, —
К земле припал — всей плотью к тайне уст.

Валежник хвойный хрустнул под тобой.
Во мху утоп спиной и головой,
Ты на мгновенье телом стал, смущён,
И вдруг затих, уже развоплощён.

Но, как бы коршун, медля воспарить,
Ещё не рвешь — следишь сознания нить,
И слышишь: рядом шелохнуласьмышь,
Очнулся шмель... но ты уже паришь.

И что теперь с тобой произойдёт,
Уже не вспомнить. Знаю наперёд.

ОСЕНЬ

Унылая пора! Очей очарованье!
А. Пушкин

1.
И наконец настала тишина.
С утра в природе искренняя осень.
Она вошла, как в воду входят лоси,
И воздух терпче старого вина,
И яблоко белеет на подносе.
2.
Тень августа уходит со двора
Неярким полднем греющего света.
Успение листвы, кончина лета,
Прощай, прощай, прекрасная пора!
Твои дары — разменная монета.
3.
Привет вам, тихие подарки сентября!
Костры рябин, туманы на газонах
И в золоте стареющий подсолнух,
Осока тощая в отливах серебра,
Мережи паутин в глухих затонах!
4.
Уж кроны лип неясной желтизной
Подернуты, и высохшие стебли
Торчат в траве, и клён едва колеблет
Багровый лист, как маятник сквозной...
А солнце на суку, забывшись, дремлет.
5.
И я в саду задумчиво сижу
На летней покосившейся скамейке.
А сверху на меня, как дождь из лейки,
Сквозят лучи... И в забытии слезу,
Как новые в листве блестят лазейки.

6.

А то пойду — люблюсь на залив.
На солнце по-осеннему прозрачно
Горит костёр, остывший и невзрачный,
Скрипит песок и шелестит отлив,
Да изредка ворона каркнет мрачно.

7.

И чудно так вдоль берега в плаще
Брести неспешно, слушая неволью
Весь этот мир, которому не больно,
Ход времени, состав земных вещей,
Как осень изменяет их спокойно.

8.

Передо мною тлеющий простор.
Мерцает мгла на небе утомлённом,
И дальний лес металлом раскалённым
Течёт в овраг... Из тучи слышен хор —
Прощание с творением зелёным.

9.

Обглоданные глыбы валунов
Качаются в воде. А рядом — чайки,
Воровки из одной прибрежной шайки,
Не поделили утренний улов,
Крикливо разбираются на стайки.

10.

Во мне же собирается покой —
Подробное медлительное время.
И рост волос вдруг ощущает темя,
И ветерок тоскующий, морской,
И бытия божественное бремя.

11.

И ухо различает каждый звук,
Неясное движение эфира,
Подробности изменчивого мира:
И звучный всплеск волны, и сердца стук.
Оно стучит отчетливо и сиром.

12.

Вот стукнуло далёкое весло...
А вот сорока оборвалась с ёлки,
И с дерева посыпались иголки,
Упала шишка, ветром донесло
Стук топора и радио в посёлке.

13.

Так в сентябре гуляю в выходной
Погожий день, гляжу не отрываясь
На клоч травы, осинам улыбаюсь...
И каждый листик мне тогда родной,
И к бабочкам испытываю зависть.

14.

И осенью мне дивно хорошо.
Я чувствую во всём течение мысли:
И в шорохе густом отживших листьев,
И в том, что год почти уже прошёл,
А может быть, и жизни срок исчислен.

15.

В такие дни не страшно умереть —
Войти в сентябрь, запутаться в деревьях
Среди дубов, осин и клёнов древних,
Как все они, спокойно постареть.
Но это всё не в городе — в деревне.

16.

Там тишина. А всё, что в тишине
Тревожного, — всегда возможность мира.
Так жизнь моя — отрывок из клавира —
Ещё звучит и теплится во мне,
Пока в неё ещё осталась вера.

***

Доживая до лучших времён,
Жизнь, какой ни на есть, но свою
Назову, хоть назвать не умею
Подходящих для грусти имён.

Оттого, что назвался я — груздь,
То есть выбрал шесток, или как там,
Я узнал и смиренье, и грусть,
И готов к обвинительным актам.

Всё сбывается, вижу, как знал
До того, как пришлось мне увидеть.
Всяк обидел, кто мог разобидеть,
И признал только тот, кто признал.

И теперь, озираясь вокруг,
Я доподлинно знаю, кто друг,
Кто завистник, даватель, гонитель.
Посети их, Никола Святитель!

Если лучшие ждут времена,
До чего доживая, покамест
Все тяжелее несущ бремена,
Я готов дочитать мой акафист.

Но за окнами хамство и мат
Покрывают мой шепот с лихвою.
Что им стон мой, хоть волком завую!
Я живу, и уж тем виноват.

И затем, что, рыдая, пою
Бессловесную песню мою,
Мне смиренье любовью зачтётся
И во всех, кто поймет, отзовется.

И когда бы я вздумал роптать,
Жизнь моя эту грусть потеряла б.
Но едва ли усильями жалоб
Я бы смог эту скорбь растоптать.

Жизнь даётся сама по себе
И едва ль поддаётся размену.
Если б мы доверяли судьбе,
То и грусти узнали бы цену.

Доживая до истины сей,
Я уж тем был подарен, что дожил.
Жизни ход сам себя обнадёжил.
Знать, и сам я в порядке вещей.

* * *

Август, осень... Раздуть костёр,
С полуночи молчать, как тень.
Лето скрылось за косогор.
Угасает полярный день.

Над рекою сидеть — грустить,
На безлюдье, в тайге, в глуши
До осенних снегов гостить,
Не считать «полевых» гроши,

Не смотреть в календарь, но вдаль,
Не вести дневника... Пока
Север — лучший дневник. Печаль.
Комариный гул у виска.

И не помнить откуда был,
Будешь где — не гадать, молчать.
Если город тебя забыл,
Научись комарам прощать.

Так ценить научись костёр
И беседу камней с рекой.
Лето скрылось за косогор.
Август, осень, печаль, покой.

НОЯБРЬСКИЕ СНЫ

Пока не вступила зима,
Ход жизни был столь неуютен,
А сон мой не то чтобы смутен,
Но длителен, мутен весьма.

Мучительны сны на краю,
На склоне минувшего года.
Их знак — Скорпион, и Природа
В них кажет изнанку свою.

Влиянье Сатурна, Луны
Сомнамбул деревьями вяжет.
И то, что под пыткой расскажет
Безумец — ноябрьские сны.

В них рощи стоят в столбняке,
Предчувствием снега томимы.
В них бесы кривятся, как мимы,
На дохлом Луны сквозняке.

И Время заржавевший ход
Часов понукает со скрипом,
А солнце прозрачным полипом
Едва циферблат достаёт.

И стрелки бегут от хвоста
Смертельной звезды Зодиака,
И волк по ночам, как собака
Продрогший, скорбит из куста,

Пока не разверзнется твердь
Ледового неба, до снега
Бельт, Ладога, Чудь и Онега
Плетут чертовни круговерть.

И чудится, чёрная даль
Настолько черна и гадлива,
Что сырость — дракона подлива,
А сам он ушёл в календарь.

Но встанешь однажды, глядишь,
А в комнате снег. Он ложится
На веки, зрачки и ресницы,
И с ним водворяется тишь.

И можно тогда различить
В падении снега чрезмерность
Падения Времени — мерность,
С которой не страшно и жить.

НАЕДИНЕ С ДУШОЮ

Выхожу один я на дорогу...

М. Лермонтов

Выхожу во тьму, в ночную осень.
Предо мною путь мой — двадцать восемь
Пройденных, необратимых лет.
Все они уже непоправимы
И грозны, как в небе серафимы,
И незримы, будто их и нет.

Жизнь моя! Душа! Надежды! Тело!
Дух ли, персть! Земная скорби тишь
Всё взяла. Стою осиротело
И молчу, едва ль не плачу лишь.

Всё прошло: и грусть, и злость, и радость.
Вот так на! Задушенная младость...
И мечты, и к счастью интерес...
Не влекут ни близки и ни дали.
Замкнут круг. Тесны горизонталы.
Да и дров одних, чем дальше в лес...

Что ж! Молчу наедине с душою,
Да гляжу, что осень хороша.
И хотя во мне скулит душа,
Боль её мне кажется чужою.

НАЕДИНЕ С ОСЕНЬЮ

1.

Неуследим привычный ход вещей,
И чуден миг свершения в природе,
И нет усилья в солнечной погоде, —
Глаголет лес, речёт ручей.
И мысль отвечает движеньем,
Как бы в вершинах ветерок —
Чуть внятнй под корою ток,
Развитый в мысль воображеньем.

2.

Пока идёт кореньев мерный рост,
Стремлень вод подземных, прозябанье
Травы, а под шагами прогибанье
Трясин, язык молчанья прост.
И я читаю след могучий:
Вчера здесь лось в ручей вошёл,
Велик и царственно тяжёл,
Порвал в кустах силок паучий.

3.

Во мху водою затянулся след...
Произошло, чему и надлежало.
Недвижимый ландшафт преображало
Движень жизни и примет.
Шло к осени. Уже в зените
Вершины лиственниц, и, стар,
Едва качается комар...
Паук ползёт к нему по нити.

4.

Отходную пролепетал сквозняк,
И солнце, в полдень выси не осилив,
Чуть запрокинулось, едва тепла не вылив,
Застряло в речке меж коряг.
И плещется на перекате,
И стынет золотом в листве.
Свершилось. Август в торжестве
Почил. Зола в его закате.

5.

Но дале путь ведёт меня. Гляжу,
Запоминаю, слушаю... За мною
Плетётся тень осенней тишиною.
Глядь, уж за ней в сентябрь вхожу.
Но, час от часу удлиняясь,
Она бредёт уже сама,
Меланхолично нема,
От тела тихо отделяясь.

6.

И так, блуждая, тень среди теней,
Ищу в лесу пути уединенья
И различаю сладкий запах тленья
В овраге, где всего темней.
И с каждым шагом всё яснее
Мерещится: в овраг вхожу.
А там уже едва слежу,
Как путь становится теснее.

ТЕНЬ

Приходить на могилу свою не странно,
Если ты не умер, но бездыханно
Слѣг, и тебя на погост в колоде
Впопыхах стащили, как скарб в комоде.
Странно в дом приходиться к той, кого не стало
В доме, где и тебя не узнают. Мало
Вероятности в том, что дома нас помнят.
Уж скорей — могилы, где будем. Комнат
С нашим прошлым нам посещение странно.
В них мы сами — тени, и безымянно
Именуем стены, как встарь, молчаньем,
Вспоминаем вещи чужим касаньем
После нас и глухо в углах вздыхаем,
Как бы вновь проходим забытым раем.

Там в домах прощений — Эдем наш малый,
Где возврат немислим вещей, где алый
Цвет печали нашей о милых буднях
Ал поныне, как намять ботвы о клубнях,
Что глядит цветком на родимой грядке.
Но, увы, предел есть в таком порядке.
Безнадежность в наших возвратах в хронос —
То же, что тоска о полѣтах в космос.
Так, наверное, голову прячет страус...
Я сижу на стуле, как было... Хаос
Комнатѣнки так на хаос походит,
Будто здесь душа, а не кошка бродит,

Будто здесь не уборка, но явность краха,
Запустенья мерзость, страна Аллаха,
Кочевой бивак Тамерлана после
Дня резни. Хромец где-то сѣдел возле.
Чья-то тень бормочет: Почто, о, Боже,
Место казни так на алтарь похоже!..

У порога, мѣртвый, сижу на стуле,
Как вахтѣр, уснувший на карауле.
Не хозяйка ль смерть здесь меня на стрѣме
Посадила в час, как случилось в доме:

Квартирантка съехала днѣм с квартиры.
Оттого-то стены и стали сиры.
Всюду речь примет: был погром и обыск,
Обнаружен клад и довольства отблеск.
Та, кого я мнил королевой гордой,
Обернулась быта избитой мордой,
Обернулась похотью лорда Мужа...
В сентябре не топят. Летейска стужа? —
Бормотал поэт до рождений наших.
Не уйти и нам от морозов ражих.

Я сижу царѣм у порога в царство.
Ни души вокруг. Лишь вещей мытарство
По местам, где прежде они молчали:
Тишину уюта с собой сличали.
Я сижу, как прежде, в углу у двери.
Но меня не помнят ни стул, ни Мэри,
Но меня не знают ни стол, ни кактус,
Разве Бах по радио — тихий Sanctus...

Позабыла выключить. Видно, в спешке
Выпадать обоим: орлу и решке.

К ЛИРЕ МОЕЙ

Лира моя! Желез жёстче звона
Звон твой в стихах встал. Гремишь, как ворона.
Тяжёл звук лиры, что мужицкой,
Варварской, знать, пятой, рукой тяжкой
Эхо родит, как лук с оттяжкой
Гнётся и шлёт гул стрелой жесткой.
А была б бешеной кошкой, шёрсткой
Дыбилась бы, концерт кошачий
Шёл бы, башенный лязг курантов
Слыл бы в округе. Да, знать, лежачий
Образ железной подковы в руках вагантов
Мил тебе, милее левых талантов.
Звон тебе чистых слов милее прочей
Звукописи пустой. В руке рабочей
Жёсткий образ твой: тетива — струна. Лира,
Будь бедной! Нищ был певец Гомер, беден
И друг твой. Знаешь сама, страной объеден
Каждый, кто пел страну, не пел кумира.
Эх, пристала тебе, певец, не речь — галера.
Лира твоя звяк да звяк в кандалных размера
Кольцах-цепях. До чего шатко
Место твоё у весла, скамья Ариона.
Было б о чём тужить! Не каркай, ворона!
Лира моя, не век нам жить, и петь не сладко.
Знаешь ведь, час пробьёт — потонет лодка,
Берег тебя найдёт, зелена крона
Дерева выть даст тебе с ветром.
Выплывешь на весле, стуча цепью,
Ляская на ветру зуб о зуб, крепью
Выдюжив, ночь пlying, выплывешь утром.
Русавая речь цепей пропахла сидром.
Рабский корабль брешь заткнёт бардом.
Лира моя, морская соль разъест запах.
Рабства амбре не столь пред морем стойко.
Ты же бряцай желез жетоном и только.
Ладно сидит весло в варварских лапах.

В ЧАЩЕ

Слаще чащею быть, чем в чаще сейчас блуждать.
Лес по осени твёрд, прекрасен и ясен,
Точно льда ослепительный сколок. Видать,
Не растает уже, но подтает, подточит балясин
Кружева — точёную эту листву
На столбах балюстрады — стволах опушки, поляны,
И застынет, как лось, тишины торжеству
Уступая, как самке вдали, чей запах багряный,
Опьяняющий, пряный донёсся и смолк.
В ноздри бьёт резкой псиной, резиной. Не волк —
Человек.. Жуткий запах порток и ружья,
Беломора, советского паспорта и перегара.
С первым залпом в лесу ударит гитара,
И палаткой запахнет, костром, пепелищем. Уж я
Слышу брань и транзистор — высокий регистр
Хохотка молодёжи. И что им так поздно
Лето взбрендило? В чаще до одури — тишь,
Несмотря на людей, и морозно,
И ход времени быстр.
Лес меняется с каждым листом, и летишь
В яму спящей зимы, медвежей и вечной.
Пахнет хворостом, холодом веет,
Рождественской ёлкой, дорогою Млечной
Небо ночью пылит и горит. Ночь лелеет
Чашу чёрною нежностью. Волосы шевелят,
Нет, не мысли, но страхи под черепом в недрах
Воображения — в чаще души шалют
Лешахи, дриады, в чьих бёдрах
Пан гнездится, и леший не разберёт,
От тоски ли, от страсти, от страха дриада орёт.

ЧЁРНЫЙ ДЕНЬ

1.

С утра в душе ноябрьский урон.
За окнами расхлябисто и хворо.
Под лужею дряхлеет стадион.
Топорщится кустарник у забора
И лихорадка яблоню трясёт.
Знобит рябину.
С утра древесной твари сердцевину
Прошло время. Тлением несёт.

2 .

Пуст, как орех, иссохшего ядра —
Себя в себе самом от неуют
Не нахожу, и, лютый, как Малюта,
Встаю с одра,
Но, встав, не нахожу себе причин,
И к зеркалу — пучине из пучин —
Плыву лицом, и в тусклой амальгаме
Стою, как пруд, в кольце пустот, как в раме.

3.

И вакуум гремучий ноября
В зрачке чугунном
Засасывает посторонний смысл
Календаря —
Тот самый смысл тоски, что шёл бы гунном,
Не оборвись Атиллы жизнь — зазря
Застывшая в глубинах янтаря —
Жизнь паука в лесу, уже безлунном.

4.

Из-за плеча в глазах отражены,
И через них в стекле, объёмы сада —
Вид листопада,
И в нём — двойкий вид — вид тишины
И вид чужого зренья — вид зрачка,
Но вряд ли наблюдающего. Зренье
Уж тем сильнее мысли, что мгновенье
В нём сутью отразилось с кондачка.

5.

Идёт ноябрь.
Дышу по-рыбьи, как бы вместо жабр —
Зрачками, оттого что очевидно
Ноябрьских и подводных перемен
Лишь рыбье зренье дадено взамен
Души урона.
До вечера я ждал одну девицу,
Но каркала Эдгарова ворона.

6.

И чёрный день,
Как бы кудель весталки,
Тянулся так, что в зеркале на тень
Ноябрьской пряжи тень чуть слышной прялки
Наслаивалась и пылилась. Кто-то
Из трёх: Атропос, Клото,
Лаксис, но одна из этих прях
До сумерек замешкалась в дверях.

ЯМБ

Не ямбом ли четырехстопным?

В. Ходасевич

В Европе ночью русский ум
Нетопырём летает с треском,
Заворожён французским блеском
Немецких островерхих дум.

Его пугают лишь слова,
Да звёзды над зубцами готик.
Свинцов крылатый бегемотик,
Громоздок, лих — точь-в-точь сова.

Кыш, кыш, упырь! Зачем ты чахл
И голоден, как Ходасевич?
Не русич ты, не Vogel-немич.
Крути свой зубчатый пентакль!

Велосипед, увы, крыла
Нетопыря, крыла сухие.
Ах, отчего в года глухие
Мысль обошлась без помела!

Свистела б звонче речь твоя,
О, перепёлка русской Музы,—
Не обагрились бы картузы,
Кровавою слюной плюя.

А нынче что ж! Нетопырю
Трещать, поди, по-над Москвою,
Шуршать мышастой головою,
Зане и в ней не быть царю.

О, Гарц, гарцуй! Ревя, Урал!
Берлин, привей дичок советский!
Стучи, подкова, ямб немецкий.
Дыши, мышиный интеграл!

ХУДОЖНИК

Итак, в стихию времени войду,
Едва накат стиха со мною схлынет
В часы отлива, в роковом году,
Когда страна сынов своих покинет.

Увы, сметёт народная волна
Таких, как я, судьбой не защищённых,
Свидетелей крушения челна,
В смущении едва ли возмущённых,

Но помнящих багровый горизонт
Сползающего гневного светила
И ветра шум, и океана фронт,
И кормщика слепого у кормила.

И оттого, что век так умудрил
Художников, мы отблеск маслянистый
На глыбах волн, как в склянке для чернил,
Запомним, в нём закат и вечер мгlistый.

У нас в душе вечерний тусклый свет
Преобразован музыкой в молчанье,
Гнетущее и нас под гнётом лет.
Но нам доступно лучших волн качанье.

Пустынных волн печали о былом
Неизгладима далью даль волненья
О будущем. Но влажный волнолом —
Слух мыслящий имеет власть мгновенья.

Он — время, сам из времени и в нём —
Сосуд, среда, стихии содроганье,
Где прошлого с грядущим не сольём,
Но бытия найдём превозмоганье.

ЗИМА

МОЛЧАНЬЕ ДРЕВА

В природе есть не то что тишь,
Но музыка, но звук безмолвья.
Когда зима у изголовья
Стоит, ты сам не то что спишь,
Скорей, сновидишь, слышишь. Слышь,
В деревьях жизнь от малокровья
Чуть теплится... Но слышен ток
Молчания. То — время. Так
Звучат растений мысли-токи.
И если б не были жестоки,
Мы к ним нашли бы столько слов
И нежности, что души сада
Смогли бы горечь листопада
Нам рассказать, настолько нов
И дик им каждый год порядок
Ронять листву и так стоять
Среди опустошённых грядок,
Пока не выключет опять
Болтливая, как птицы, зелень.
Как страшен им такой экзамен!
Как труден им беззвучья сток!
И как пронзает светлый ток
Их существо! В молчанье этом
Ты стал бы истинным поэтом,
Узнал бы цену вещей слов,
Евангелист и богослов.

***

В ту ночь мы с душою затеяли спор.
Настольная лампа, луна, «Беломор».
Бумага ли, парус вдали на столе...
То — море, и кто-то из нас на руле.
О чем же мы спорим? — Не спорим. О, нет!
Над нами, над крышей невидимый свет.
А здесь между нами туман, тишина,
Настольная лампа всю ночь зажжена.
И в этом молчанье и бденье вдвоём —
Качанье метели во весь окоём,
Качанье фрегатов ночных фонарей
И крыльев незримых у наших дверей.
«То — крылья. Ты слышишь?» — Неправда,
сквозняк, —
Чихнул я. — То — ветер, и вьюга, и мрак.
«Да нет же!.. То — крылья». — Послушай,
душа,
Давай убедимся — там нет ни шиша.
Мы встали, неслышно к дверям подошли.
Сквозняк или шепот? Кого мы нашли?
— Наверное, ветер... иль, может... «Зачем!
То — крылья же, крылья!.. Меня ты ничем...»
Я щёлкнул задвижкой. На лестнице тьма.
Во тьме предо мною стояла зима.

* * *

Гляди в окно, гляди в окно!
Там всё в последний раз:
Дымов тугое волокно,
С карниза снега толокно,
Фонтанки ржавое пятно —
Брезент и полотно.
Твой день железный без прикрас,
И всё в последний раз.

Гляди в окно, гляди в окно!
Там вьюги ветхий газ.
На кровлях выкройкой сукно.
Белейшее оно.
И это было так давно,
И вновь тебе дано.
И ты опять не сводишь глаз,
И всё в последний раз.

Гляди в окно, гляди в окно!
Там жизнь пройдёт без нас.
Лишь этот миг песком на дно
С тобою заодно.
Но сердцу не забыть одно
Небес нетленное рядно
И солнце — яркий, ясный глаз —
Нерукотворный Спас.

* * *

Люблю морозными ночами
Сидеть у стылого окна,
Когда сама собой, одна,
Душа не разрядит молчанье,
И в небе звездочка видна.
Тогда невыразимо тихо
Сосредоточен мысли ход,
И время входит в обиход,
Как бы иного смысла эхо,
Его стихов беззвучный код.
И этот смысл иного мира
Настолько в то мгновенье тих,
Что тишиной нисходит стих,
И в нём слышна одна лишь лира,
И та чуть слышна среди помех.
Но звук её уже ритмичен,
И под рубашкой сердце вслух
Уже скандирует за двух,
И каждый сжим строкой подхвачен,
И мысль захватывает дух.

ГЛУХИЕ ГОЛОСА

С утра вчерашний вечер
В углу моей души
Обрывки чьей-то речи
Нагромоздил в тиши.
Провалы долгих пауз,
Глухие голоса,
Безвременье и хаос
Глядели мне в глаза.
Я видел пред собою
Небывшее со мной!
Слова сошлись гурьбою,
И я меж них живой.

* * *

Я не знаю надежды кроткой
На прекрасное право — жить.
В этой жизни моей короткой
Нескончаема разве жуть.

Каждой ночью под жёлтой лампой
Поджидаю, дрожа душой:
Жизнь когтистой и тяжкой лапой
Уравниет меня с мышой.

Молодец — представитель жизни,
Насобаченный в печень бить,
Даст мне право на смерть в отчизне —
Оцет смешанный с желчью пить.

Мне давно приглянулась горка,
Над которой незримый крест
Распахнулся настолько горько,
Что вольнее не сыщешь мест.

Прохожу вдалеке и вижу:
Это место — оно моё.
Никого с него не унижу,
Даже местность, позор её.

Прохожу и грущу сторонкой.
Долог, долог и тяжек путь.
Горечь грустной сочится ранкой,
Надрывая рыданьем грудь.

МЕДНАЯ ЛИРА

Не отрицая жизнь в суровой простоте,
Не порицая быт соседей по квартире,
Едва ли чем кичась в привычной нищете,
Владею лишь одним — игрой на медной лире.

И в сумерках подчас у пыльного окна,
Включив настольный свет выдавшей виды лампы,
На письменном столе, что делать, без сукна
Оставшемся, тружусь, как бы при свете рампы.

И в фортку на меня глядит, ну, скажем, серп.
Поодаль от него тишайший в небе Веспер.
И мне слышны вдали: и сонный лепет верб,
И электрички бег, и злой балтийский ветер.

Срединой золотой меж словом и тоской
По сущности того, о чем тоскует слово
Избрав такую тишь, я царственный покой
Восстановил в душе, хоть это и не ново.

И день за днём в труде, привык я не внимать
Озлобленной среде, где жизнь моя виновна
Уже и тем, что есть, и это, безусловно,
И надо бы давно, и что там понимать.

Но, прожигая свет народный по ночам,
Я тем уже подлец, что днём сосед бушует
И затмевает мир борьбой по мелочам,
А светоча в душе никак не затушует.

Гляжу себе в окно и коротаю век,
Отпущенный на то, чтоб зло в конечном счете
Осталось при себе, а тишь на высшей ноте
Достроила душе молчания ковчег.

* * *

Трубила в рог пурга. С простором в срок
Проснулся я. Зима едва дышала.
Так тихо вдруг, что неба глубь дрожала
И пенился в душе мгновенья ток.
Прошёл циклон. В окно сверкает двор.
На скатах крыш тяжёлые покровы.
И толща облаков с трубою вровень.
А в сердце — времени напор.
В артериях как жар клубилась кровь,
И мать моя чуть кашляла спросонок,
Безлистые деревья на газонах
Дышали в такт, не нарушая строй.
Во всём был сдвиг и небывалый ритм.
Деревья мыслили, накапливая листья.
Лист Слова ждал, а тишь — евангелиста.
Казалось, облако вот-вот заговорит.
И каждый миг, сам по себе весом,
Стал различим любым своим оттенком.
Так мир возник. Фонарь скользнул на стенку,
Качнулся тюль и продолжался сон.

* * *

С собою вслух или с собою молча —
Без разницы. И так, и так — по-волчьи.
Но чаще при душе, и чаще ночью,
И с глазу на глаз, и всегда воочью.
И если в этом есть какая правда,
То вся, и в ней одно — одно молчанье.
И если это — всё, то вся и ложь,
Что и в молчаньи правды ни на грош.

* * *

Свободы, Боже! Душит страх
В то время, как пылает солнце
И женщина у моря в танце
Вздымает раскалённый прах.
Повремени, Создатель! Крах
И так неотвратим, но лето...
Иль молодость и есть та мета,
С которой тьма в Твоих мирах?

Природа, если и с душой,
То изменяется в составе.
И в том изъян её большой.
Душа в сомнительной оправе.
И я — тайник такой отраве?
Лишь стоит перстенёк открыть,
Как жизнь выказывает прыть
Куда ретивей этой крови
И бешеной, что говорить!

Отец, смотри, хочу я жить!
Но дай мне испытать полыни
И тем вернуть мученье глине,
Что сердцу не осилить жуть!
Природы слишком страшен путь.
И нету в нем предела страсти.
И тянет ужас к черной пасти.
И хочется свечу задуть.

Но если мне положен свет
И насыщенье этим светом,
Дай овладеть его секретом,
Да буду не сожжён — согрет.
Отец, горю! Возврата нет.

ПЕРЕМЕНА

Ещё в саду сипит метель
И всюду снежные заносы,
Норд-ост из туч сучит кудель,
А ночь долга от папиросы,
Ещё в зиме не различить
Расталый миг освобожденья,
И не кончается паденье
Снегов, и солнца не включить.

Пока в душе темным-темно,
Она, как мысль, не отлепилась
От лишних слов, ей всё равно
Какая боль, какая милость,
И всё равно какие сны:
Любовный лепет или вьюга,
Когда, как снасть, дрожит фрамуга,
И вьётся в тучах диск блесны.
И так до самой тишины,
Пока не стихнет поневоле
Глотанье бешеной слюны
И привкус выплаканной соли,
И шаткий мира горизонт:
Не то сугробы, то ли море,
Не то качанье плоскогорий
Во весь необозримый фронт.

Там посреди сплошной беды
Земля тем более ужасна
В скопленьях мертвенной руды,
Воды и боли ежечасной.
И это всё — огромный шар,
Твой внешний мир нерукотворный.
Вращай его рукой проворной,
Пока не кончится кошмар!

Гляди туда – на этот двор!
Там за окном твоя свобода:
В саду завьюженный забор.
Он завершает время года.
За ним деревья на ветру
Уже замыслили твой образ.
Им слышен океанский голос
Весны, назначенной к утру.

ДВЕ БЕЗДНЫ

Багровой, жуткой крутизной
Над смертью жизнь моя
Не столь ужасна предо мной,
Сколь времени струя.

Две бездны в ней отражены:
Одна — паденья миг,
Другая — тьма до тишины,
И обе — жизни сдвиг.

Одна — смертельный унисон
Другой, в то время, как
Обеих жизненный резон —
Беззвучье, смерти мрак.

В уничтоженьи лишь одном
Они сольются в тишь,
Иначе, жизнь моя, в сквозном
Пространстве ты летишь!

Иначе, время — лишь простор,
И несть ему конца,
И крутизною кругозор
Нам не сотрет лица,

Затем что смерть — лишь крутизны
Мгновенья жуткий вид,
Чей первый ужас новизны
В нас с грустью говорит.

СФИНКС

Михаилу Шемякину

Ужасный зверь!.. Прекрасное лицо
В нем женщину таит с глазами бездны,
Но львиные объятия железны,
И этой мощью замкнуто кольцо.
Расщеплена пленительная суть
Ощеренным нутра звериным смыслом,
И, если привести загадку к числам,
В ней бесконечность можно разомкнуть.
Двупольный образ — роковая смесь
Раздвоенных частей при двуединстве,
И в обоюдном двух начал бесчинстве
Единая вина пред третьим есть.
Но в чём подмена? Сей прелестный лик
Предполагает женщину и телом,
Но лев за поясным её пределом
Предполагает жуткий львиный рык.
Власть женщины, смиряющая льва?
Иль, может, лев, глядящий нежной бездной?
Нет. В целом зверь порукою железной
Попрал кого-то третьего права.
Кто он? — Скорей всего, конечно, лев,
Поскольку ложь лица скрывает нечто.
Итак, лицо... — Жена!.. — А ниже плеч-то!..
Ужасно! Замкнут круг. Пред нами — блеф.
Разгадки нет без третьего лица.
Зверь неспроста во образе двоится.
В лице, как видно, мать его таится,
В породе же сквозят черты отца.
В смешении различных двух природ —
Весь человек, что надругался глине.
В насильнической этой образине
Поруганы: он сам, земля и род.
Увы, Эдип!.. Сей сфинкс не твой ли рок?
Его черты искажены обманом.
Не стой же трепеща пред истуканом!
Над бездной он дает тебе урок.

В ЛАБИРИНТЕ

И.Бродскому

Отчаянье не чаёт, но чадит,
Равно как пламя свечи в лабиринте,
Где звук шагов ни мрака не щадит,
Ни освещенной беззащитной нити.
Само ли по себе — ориентир,
Себе ли самому — огонь и светоч,
Но если у зенита есть надир,
То у него не чаянье, но вечность.
Так трепетен светильник твой, Тезей,
Что разумом его назвать опасно:
Того гляди, погаснет и тесней
Сойдетсся мрак... Надеяться? — Ужасно.
Да где ты, нить!.. Тянуть — не значит жить,
Скорее, помнить злое протяженье
И тяжесть этой памяти, и жуть,
И в ней всё той же нити напряженье...
Отчаянье... Оно зовется так.
И это — путь от чаянья к нему же.
И если жить — надеяться, то как
Зовется жуть, какая ждёт снаружи?

* * *

Что впереди, когда бредёшь не столь
Неведомо, насколько ведомый кем-то,
Кто заведет заведомо?.. — Уволь
Забресть туда, где поглотит нас Брента!
Вергилий, что там? Что там впереди? —
И отвечает: «Знай себе бреди!»

НЕЗРИМЫЕ ПУТИ

Невидимой рукой водимый,
Куда бреду — не знаю сам,
Когда и Свет Незаходимый
Тьмы не откроет небесам.

Когда и Он моё незнанье
Познанием не назовёт,
Как назову я провисанье
Над бездной? Что меня зовёт?

Моё немислимое ныне
И небылое существо
Вернёт, вернёт мученье глине,
Иначе, что в нас — Божество?

Пути незримые не торны.
И потому, и потому
Златые ангельские горны
Доступны слуху моему.

* * *

В свободе есть сознательная скорбь
И тёмный зов добропобедной мглы,
Откуда тянет бездной. Горбь не горбь
Над нею крыл, здесь — крест — его углы.
И доблесть в том, быть может, вся и есть,
Что, странствуя в безжизненной глуши,
Бессмертный дух не должен глаз отвести
От бездны сей в бреду живой души.

Бредя во тьму, нам остается брести
Туда во тьму, где мужество — брести
На жуткий зов молчанья, в коем весть
Глагола жизни должно обрести.

Живя, живи, трепещущая плоть!
Возрадуйся, о, непреклонный дух!
Свобода скорби — крепкий в нас Господь.
К Нему дорог не выбирают двух.

НАШЕ ПОКОЛЕНЬЕ

Печально я гляжу на наше поколение.

М. Лермонтов

Ну, что ж! И наше поколение
Глядит печально. Никому из нас
Уже не суждено украсить землю,
Какую нам отвоевали те,
Кто зачал эту скорбь на наших лицах.

Ещё мне рано говорить о том,
Что мы отвоевали. Но, воюя,
Хотелось бы отдать себе отчёт:
За что воюет это поколение
На этой отвоёванной земле?

«За счастье» — говорят. — Ну, что ж! За счастье.
Как видно, есть за что нам воевать,
Когда отцы не всё отвоевали.
Но эту землю мы не предадим,
Хоть многие из нас её покинут.

Да. Покидать придётся и ему,
Другому поколению её же —
Вот эту, отвоёванную им
На эти тридцать лет, родную землю.
Имеется ввиду в неё сойти.

Сойдём и мы. Но прежде нашу скорбь
Мы принесём не столь веселью в жертву,
Сколь радости, какая будет нам.
Иначе, вообще и нас не будет.
Но мы-то знаем, что и мы уйдём.

И вот мы не украсим нашу землю
Сошествием в неё. Я говорил.
Но что-то есть и в нашем поколении,
Что украшает Родину. Наверно,
И мы прекрасны, ибо мы прекрасны.

Но я прожить за эти тридцать лет
Умел одни вот эти тридцать, тридцать,
Да, наших лет, и говорю, что прожил
Их с поколением. Что ж! Печальны мы.
Но я уверен: мы узнаем счастье.

Так нам сказали. Это — наша цель.
И вообще, мы отвоюем радость,
Украденную много-много раньше,
Ещё тогда, когда рождались мы.
И это будет найденное детство.
И вы, отцы, отечество своё
Нам отдадите. Это будут тридцать
Суровых лет, как всё, что привело
Нас к пониманию общей нашей цели.
Повоевали вы. Воюем мы.
Но что придёт на смену этой мощи,
Стремящейся вернуть себе всё то,
Что отнято у ней — надежду мощи? —
И я отвечу: «Вера и любовь,
И мощь надежды — наше поколение».

ГРУСТНЫЙ ЗВОН

Одинок мой голос и покоен,
Не покойник, но и не
То чтобы живой, но с колоколен
Как бы снятый, оттого вдвойне
Грустный звон, вечерний, позабытый,
Может статься, кем-то на Руси
Недопетый, в воздухе зарытый,
И откопан вдруг иже еси.
Слышится как будто издалёка:
«Со святыми упокой»...
Это православного Востока
Грусть, рождённая тоской.
Это гласные с печалью, с чем-то
Отчего-то золотым...
Золотая на закате лента —
Плёт, туман ли, дым...
Одинок мой голос, еле слышен,
И уже почти что глух.
Воздух, как в могиле, душен.
Мертвяки долдонят вслух.

МЕТАПЛАЗИЯ МИРА

Памяти Н. Ф. Фёдорова

Когда расхлынутя струи
Днесь повреждённого эфира
И светлый Град из-под руин
Восстанет на обломках Мира,
Когда низвергнется престол
Багряного, как пламя зверя
И зверонравье зла, Крестом
Испразднено, падёт безверье —
Туда, где бездны океан,
Где рёв его, как тьма кромешен,
Тогда, как джунгли из лиан,
Бессмертным Солнцем осиян,
Произрастёт Эдем безгрешен.
И тени чёрные Земли
На звёздной тверди исполинской
Пред человечества семьи
Предстанут в виде обелиска.
Здесь был великий Вавилон.
Он пал. Смешались в нём языки.
Испепелённый поделом,
Он стал — что камень безъязыкий.
Но вызрел в ране гноевой
И в срок разлопнулся, как бомба,
Нарыв греховный, болевой,
И выпали кристаллы в ромбах.
Топаз и сера и барит,
И надо всем, как пепел — стронций.
И чудо, рана не болит,
И светозарней светит Солнце.
И всей Вселенной пламенна
Играют ликом огнецветным.
Преобразились времена,
И звёзд сияют имена
Над Миром Числ Новозаветным.

ФАКЕЛ ПОБЕДЫ

Всё одиночество, вмещённое свободой
В седую душу, тяжестью гнетёт,
Как бы ледовый пласт, как бы метёт.
Надрывная стихия непогодой
И вечный снег идёт...

Но я свободен. В том-то весь и толк.
И если сквозняком бушует волк
И душу надрывает грустным воем —
Земною грудью возмещая долг
Природе, я спокоен перед боем.

Размеренно и плавно, как мехи,
Угль жизни в мышце сердце раздувая,
Во мне поют упорные стихи —
Моей свободы музыка живая
И мощь земных стихий.

Так, душу свобождая, ритм
И одиночество подьёмлет
На крыльях духа и объёмлет
Созвучья Богом данных рифм,
И над бедой победу емлет.

И вечный снег. И жар души над ним.
И вой беды, как волк, отыдет.
Горящей головнёй разумный дым
Встаёт над одиночеством седым.
И Бог Свою победу видит.

ДУМА

Из года в год одна и та же дума,
Тяжёлая как жизнь, отягчена
Не временем, но льдом его угрюмым,
И потому порой на сердце дрёма,
Как бы на дне глухого водоёма,
Где глубь души под лёд заключена.

И хочется вздохнуть, да оковало,
И коротка летейская весна,
И даже лето улыбнётся вяло,
И осень накидает как попало
На стылый стрём легчайшего металла,
И тонет лист, как тусклая блесна.

Из года в год одна и та же тяжесть.
Но прёт поток, забывчивый в пути.
И сколько льда на горб его ни ляжет,
И как протоку быструю ни свяжет,
Весь ток тугой, какой с годами нажит,
Всегда сумеет на простор уйти.

Но есть в году и думе той раздолье —
Срок половодья — воля к полноте,
Когда напряжен ход речной тем боле,
Чем тяжелей гнело его в неволе,
И чем зима стояла злей и доле,
Тем выше будут воды в правоте.

* * *

Добропобедный тихий свет
И сердца источенье.
И робкой нежности в ответ
Легчайшее теченье.
Как будто временем иным
Из глубины дохнуло,
Прощеньем горя и вины,
Всего, что обмануло.
И тайной правды торжеством
И верности, и веры.
И в сердце — света торжество
Достигшим этой меры.

* * *

Как вымирает чувство в человеке!
Что делает с ним время! Тишина,
И в сердце ни единая струна,
Не отзовется, разве холод некий.
А было столько страсти, столько мук
И радостей, что это полнотою
Уж кажется. Но сердце золотою
Порой не сманишь, новою — святою
Приходит к нам пора больших разлук.
Иных уж нет, а те давно далече.
Так поздно отзовется давний стих
И через него всё старое залечит.
Былая скорбь, терзать которой нечем,
Весь мир переживаний в нас утих.
И тишина. Но внове отзовется
Живое сердце музыке живой.
Воскреснут чувств поэзия и строй,
Лишь милое былое не вернется.
И будущим всё более живя,
Становишься как юноша на время,
Когда пора предчувствий в душу семя
Роняет, жизни плод благословя.

116

* * *

Писать, когда душа к поэзии зовёт.
Она всё изъяснит, лишь чувствуй с ней и мысли.
Писать, когда душа и чует и поёт,
Всё остальное — празднословья мысли.
Так помыслы смущают нас порой,
Но воздержись и празднуешь победу.
Молчать, когда молчит в душе предчувствий строй,
Чтоб не прервать молчания беседу.
Вот мудрость некая. Из жизни вывел я
Немногие слова, и уничтожил
Всё прочее. Из много белья
Я выбрал нищее, и тем богаче прожил.

ВЗГЛЯД СВЫШЕ

Из двух стихий: тумана и огня,
Сияния и радуги, из аквы
И света сотворил Творец меня,
И речь моя с тех пор — аналог магмы.
Расплавленное смыслом вещество —
Душа моя, пронизанная духом,
И всё моё земное существо
Исполнено подчас небесным слухом.
Я — человек. И, сотканный Творцом
Из влаги, пополам с духовным светом,
Кажусь порой ментальным пришлецом,
Но мне издревле тленный образ ведом.
И потому, затерян в словаре,
Я русской речью выструен от века,
Зане рождён в славянстве, а помре,
Как повелел Господь, за человека.

117

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Кто знал тебя, предельное сомненье,
Безумие, кто знал тебя, тот мог
Увидеть, что спасает разве Бог,
Когда ты верен в гиблое мгновенье.
Я усомнился в творчестве моём
И в нашей человеческой культуре
И выбросил, что выносил с трудом,
Не думая о чьей-нибудь халтуре.
Сегодня Пушкин, впрочем с ним и я, —
Мы сброшены, я видел, с корабля.
Но даже наши злые заблужденья
Для общества — прекрасное виденье.
Кто искренне и человечно пел,
Познал как мрак сомнения предел,
И большее своё отсёк для Бога,
Тот и уверует, тот и полюбит много.
Никто как Бог дарует вдохновенье
И отымает все его плоды.
Когда бы знали вы предел беды,
Откинули б и все свои сомненья.
Я лучшее в безумье приобрёл —
Свидетельство незнаемого Бога,
Ломающего душу — твёрдость рога
Во имя Духа, Им же укреплён
Мой шаткий дух, испытанный в пределе,
Как Авраам и Иов до того.
И вот я жив, и верен в самом деле.
А что Он отнял, вижу — что с того.

* * *

Жизни шум однообразный,
Утомительный, глухой.
Быт окружный безобразный —
Шлягер пошлый, площадной.
Так прошли десятилетия.
Дичь и пошлость слушал я.
Пробовал при шуме петь я —
Надрывалась грусть моя.
Грусть твоя сливалась с речью,
Когда встретил я тебя.
Но фатою подвенечной
Жизнь была тебе нова.
Ты сегодня посетила
Келью тихую мою
Как сияньем освятила
Жизнь, которой я пою.
Сразу грусть моя в веселье
Вдруг была обращена.
Но ушла и жизнь-безделье
Ближним шумом смущена.
Вот затихло всё и снова
Слышу в келье тишину.
Старины читаю слово —
Помню милую жену.
И в душе моей роится
Дивный вечер — тайный сплин.
И страница за страницей
Диккенс властвует один.

ПТИЧКА

Вот птичка малая, ночная
Невидима, запела вдруг.
Душа печальная, глухая,
Тут встрепенулась — тоже ведь
Когда-то певческой была.
С тех пор молчит бывшая медь.
Теперь хоть птичка взволновала
Всё, что на сердце разом пало —
И слух весенний и испуг.
А ну как птичка петь не будет
И снова залетейский мрак
Войдёт мне в душу и разбудит
Психиатрический гулаг.
И снова стану я несчастным,
Каким когда-то Иов был...
Но птичка весело, с участием,
Весны рассказывает быль.
И встрепенулась вновь душа.
А скоро — красное яичко
И жизнь, быть может, хороша
Покажется хотя б на время —
Пройдет убойная печаль,
Невы владычественной стремя
Качнет как лодку о причал
Моё тяжелое томленье —
Все мысли Иова в ночи.
Быть может, даже умиленье
Меня коснётся. Но молчи!
Спугнуть, пожалуй, радость можно
И птичку певчую тогда
Уже пропустишь. Невозможно!
Всплывёт томленье и года,
И усыпительная ночью
Как безучастье — тишина.
Но птичка малая запела—
Душа свой голос обрела.
А завтра запахом черёмух
Разбужен буду. Я застал
Цветенья радости у дома.
Жизнь будет вечно — я читал.

* * *

Душа отстрадала. Стоит, как подёнщик ненужный.
Куда и кому это всё предложить?
Когда-то я был богатырь. А теперь вот недужный.
И годы — своё. А всё хочется жить.
Зеваешь с утра. Надо чаю попить, накуриться —
Бывалое сердце на день разогнать.
И как там в Писанье — умножит сторицей
Господь упованья твои. О, когда бы их знать!
Душа отстрадала. Глядит пред собой одиноко.
А с кем по душам? И на что уповать?
Звезда чуть мигает высоко, и боком, и боком
Мне вышло — последний свой чай по утрам допивать.

* * *

О, до чего же наша жизнь грустна!
Бывает счастье. Но оно уходит.
Звезда высокая передо мной — блесна,
Как будто в небе спиннинг кто-то водит.
О, до чего же наша жизнь темна!
Бывает солнце. Но опять ненастье.
И что такое сон? Быть может, счастье?
А пробужденье — краткая весна?
Когда же будет плодоносный свет?
Ужели не дано его при жизни
Душе увидеть? Сердцу где ответ?
Ведь дорог он при общей дешевизне.
Всё дешёво при жизни было мне.
И сердцу не ответила судьбина.
Уж большая известна половина
Судьбы — потери грустные одне.
И если что осталось на душе,
То разве грусть о том, что жизнь проходит.
Как будто в небе спиннинг кто-то водит,
Иль я как окунь на блесне уже?

***

Душа глубокая не знает
Порой, как выразить себя.
Сквозною раной в ней зияет
Вся жизнь, рыдая и скорбя.
А что и остаётся в сердце —
Невыразимо потому,
Что нет названья боли смерти.
В предположениях тому —
Что деется в душе, покамест
Витийствует поэта стих?
Какой расскажет мне акафист
О нисхожденьях моих?
Такого в них, поди, не пишут.
Да и акафисту ли знать,
Как скорбь на скорбь, как бисер, нижут,
А тела смерть все ближе, ближе.
И вот уж нечего спивать.
Хохлацкая, вторгаясь, мова
Заменит русское словцо.
В душе молчит о жизни слово
Оставшееся остального.
И грустен человек лицом.

* * *

Загадочна грехопаденья
Природа. Сколько ни живи —
Найдутся в жизни совпаденья —
Вот миг, и всё продешеви —
Все твои скудные богатства —
Всё, что накоплено в трудах.
И что там было — святотатство —
Иль что страшней — увы и ах!
Уж поздно. Каяться пристало.
И что о жизни вспоминать?
Была вся жизнь, и вот не стало.
А что в остатке? — Благодать.

122

ПЕРЕМЕНА

Еще в саду сипит метель
И всюду снежные заносы,
Норд-ост из туч сучит кудель,
А ночь долга без папиросы,
Еще в зиме не различить
Расталый миг освобожденья,
И не кончается паденье
Снегов, и солнца не включить.
Пока в душе темным-темно,
Она, как мысль, не отлепилась
От лишних слов, ей все равно
Какая боль, какая милость,
И все равно какие сны:
Любовный лепет или вьюга,
Когда, как снасть, дрожит фрамуга,
И вьется в тучах диск блесны.
И так до самой тишины,
Пока не стихнет поневоле
Глотанье бешеной слюны
И привкус выплаканной соли,
И шаткий мира горизонт:
Не то сугробы, то ли море,
Не то качанье плоскогорий
Во весь необозримый фронт.
Там посреди сплошной беды
Земля тем более ужасна
В скопленья мертвенной руды,
Воды и боли ежечасной.
И это все — огромный шар,
Твой внешний мир нерукотворный.
Вращай его рукой проворной,
Пока не кончился кошмар!
Гляди туда — на этот двор!
Там за окном твоя свобода:
В саду завьюженный забор.
Он завершает время года.

123

За ним деревья на ветру
Уже замыслили твой образ.
Им слышен океанский голос
Весны, назначенной к утру.

* * *

Оглядываясь пройденным путём,
Что вижу я, в себе, как на чужбине,
Себя не находя? — Следы в пустыне,
Всё, что я знал в себе ещё дитём.
Всё, что молилось, пело и любило,
Что было мной: страстей живая сила,
Мощь юности, надежд золотая жила
И всё, что эту мощь во мне убило:
Размах чрезмерный, голод бытия,
Кипучий норов, бешеная воля
И нищенство — отчаянная доля,
Но более всего, конечно, я...
Всё, всё ушло, растаяло, как пар,
И выпало росой, туманя зренье.
И вот — разрыв-трава — к себе презренье,
Дым совести, души холодный жар.
Но что же! Время чувств не охладило,
Но впрямь королева языком слизала,
Изгладила следы страстного жала,
И мужеством сей ужас победило.
И перед ним, уже не мальчик — муж,
Стою ошеломлённый. Это раны
Бушуют новой кровью, болью пьяны,
Как будто новой жизнью, мной к тому ж.

ПЕРЕД ЧАСОВНЕЙ

На свете счастья нет...

А. Пушкин

На свете счастья несть,
Зане к покою воля —
Святая грусти мечь,
Любви печальна доля.

Давно, клеймённый раб,
Я странствую в бегах,
Как бы плавучий гроб
В тоске о берегах.

Что очертанья мачт
Пред храмом вдалеке!
Из всех известных почт
Лишь голубь, налегке

Отпущенный в простор
С масличной ветвью, чтоб
Вернуться, с давних пор
Грустнее, чем потоп.

Голландец иль ковчег —
Не всё ли нам равно!
Скитанье — всё побег
Туда, где нас давно

Не помнит Божья твердь,
Забыта и она.
Итак, пред нами смерть,
Покойная страна.

Что делать, потеряв
Пространство и пейзаж,
Где волны злчных трав
Не заменяют раж

Вольнолюбивых волн? —
Прийти к часовне той,
Какая тот же чёлн,
Но вечно золотой.

Пусть позолота глав
Кладбищенских челнов
Не заменяет прав,
Пейзаж сей вечно нов.

Здесь Благовест поёт
Вольнее тростников,
Какие устаёт
Вмещать души расков.

В свободе есть объём
Достаточно большой,
Чтоб веры окоём
Наполнился душой.

Но сохраняет Бог
Лишь то, что знает цель.
Иных и нет дорог.
Иди, покуда цел!

Перед тобою даль,
В которой скрип снастей
Поёт о том, что, жаль,
Нет с берега вестей.

Довольно плавал я
В бесцельном бегстве от
Печали Соловья.
Он розой всё живет.

Пред ним подруги нет.
Бысть мимолетна, жизнь
Взамен чужбины бед
Зовёт в мильон отчизн.

Так чудилось мне встарь.
Но вот пришло к тому,
Что воля на дому —
Надёжный государь.

Служить ему, любить
Пейзаж окрестных дыр,
Где оборвалась нить
Того, что значит — мир!

Сей жуткий лабиринт
Предполагает винт.
В резьбу его войти —
Не сбиться на пути.

Господь мой, если так,
Пусть каждый новый шаг
Ко мне приблизит свет,
Иначе, смысла нет!

На свете счастье есть.
Любви благая весть.
И доблесть разве в том —
В надежде на потом.

Там позади — стезя.
Что впереди — нельзя
Назначить. Разве здесь
И смысл-то жизни весь.

Смирения, Господь!
И силы верить в мир!
Благословенна плоть,
Который весь блезир —

Кладбищенская цвель
На маковке, где крест
Нам освещает цель
В тиши знакомых мест.

«Здесь все переживёт
Меня». — Сказал поэт.
Здесь колокол поёт:
«На свете счастья нет.»

ПРОРОК

В пустыне вашей нищеты
Среди камней, как смерть бесплодных,
Я тридцать лет был ввержен в стыд
Свирепых лав и ловль голодных.
На мне истлел цветной хитон,
Испепелён огнём и потом,
Утробу искорёжил стон,
И рот сведён алчною лютой.
Я уподобился волкам,
В разломах скал вседневно рыща.
Пугая бездну, как вулкан,
Рычаньем над кровавой пищей.
Опустошая сердца дух,
Я выл жестокими ночами.
Как дикий зверь рыдая вслух.
Но камни черствые молчали.
Тогда я стал их раскалять
Огнём речей моих палящих,
Пока не треснула их гладь
В кровище недр, как барс храпящих.
Я корчевал за кряжем кряж.
Тряся, грозя, дробя и руша,
Нагромождая пепла дрожь,
Сжигая собственную душу.
Но, и оплавленные, всё ж
Они остались только грудой,
Куда вонзай хоть самый нож —
Лишь обдерёшься о породу.
И Ангел, видя с высоты
Мои напрасные старанья,
Изверг меня моей тщеты
И зренье мглы потусторонней

Мне даровал и два крыла.
Подъявшие меня над долом
Туда, где жизнь моя была
Уже провидческим глаголом.
И узрил я: из-под камней
Забил живительный источник,
И ветки тонкие ко мне
Простёр миндаль цветущий, сочный,
И, чистой влагой напоён,
Принес плоды свои пустыне.
Где я лежал испепелён
Глагола Вечного устами
Там голос Господа летал
Подобно молнии гремящей:
Смотри! Я тварь Мою питал
Твоею кровью настоящей.

* * *

В свободе есть сознательная скорбь
И тёмный зов добропобедной мглы,
Откуда тянет бездной. Горбь не горбь
Над нею крыл, здесь — крест — его углы.
И доблесть в том, быть может, вся и есть,
Что, странствуя в безжизненной глуши,
Бессмертный дух не должен глаз отвести
От бездны сей в бреду живой души.
Бредя во тьму, нам остается брести
Туда во тьму, где мужество — брести
На жуткий зов молчанья, в коем весть
Глагола жизни должно обрести.
Живя, живи, трепещущая плоть!
Возрадуйся, о, непреклонный дух!
Свобода скорби — крепкий в нас Господь.
К Нему дорог не выбирают двух.

ДУБ

Слова мои — листва. О, много слов...
Средь них висят и некие сухие.
Когда бы не был я поэт, но богослов,
Не обнажились бы суки нагие.
Быть может, я похож на сохлый дуб.
Что говорить — был зелен я и крепок.
Но кое-что давно пошло на сруб,
А кое-где — металл чужих крепок.
Но съест ли Господь мои плоды
Хотя свиней попотчевать досыта
Иль в кофе положить? Куда, куда!
Кому судить народного пиита?
Да, в кофий наш народный, может, гож,
Его и пить в голодную годину.
Но, впрочем, в небеса я тоже вхож —
Простёрты сучья в небо к Господину.
Дай зелени — зелёных вечных слов!
Не убоюсь зимы, гремя листвою.
Ты — Бог еси. Язык твой вечно нов
И всё живит, загубленное мною.
Не в оправданье так Тебе скажу:
Ты древо насадил на землю с ядом.
Что говорить, с землёю я дружу
И птиц в ветвях порою нахожу,
Но, может, Ты придешь и сядешь рядом.
Обнимешь, может, мой корявый ствол
И на коре увидишь много мошек.
Пусть из меня по смерти срубят стол
И стулья, и дюжину отменных ложек.
Прочтут меня и дети. Я писал
Доходчиво, хотя и врал довольно.
Господь как плотник плоть мою тесал,
И мне бывало горестно и больно.
На мне листы железные, цемент
И гвозди. Может быть и я — распятый.
Но я — живой и Божий инструмент —
Играю и пою десяток пятый.

Мне далеко до тех богатырей,
какие в небо сотни лет уходят.
Но я как дуб не говорю — скорей,
Я медлю и расту, и семя бродит.
И дети есть, конечно, у меня —
Они — дубки, да — русские, простые.
Подобно мне листвой своей звенят
И голоса их радуют святые
Но почва вся отравлена, и я
Сосу её, чтоб защитить потомство.
О, Господи! Пришла одна свинья
И ест мои плоды. Считаю до ста.
Насытилась и роет под меня.
Приди, Крылов, и защити коллегу.
Давно в земле лежит моя родня
И вопиет к дубовому Олегу:
Очнись и обуздай листву свою!
Она гремит, и нам бывает страшно.
Но если цвет оденется в броню,
Господь придёт твои отведать брашна.
Он беден был и кофий Ему впрок.
Он Сам — поэт, и в притчах весь народный.
Он дал и нам спасительный урок —
Беречь запас листвы багрянородной.
И многими словами говорю
Я им в ответ, как русская стихия:
Таким уж сотворил меня Царю,
Сам отряхнёт слова мои лихие.
Он подходил ко мне и клал ладонь
Своей кровавой раненой десницы
Мне на кору. А выходил огонь
Из недр моих, — и озарялись лица.
Когда касалась Божья благодать
Я говорил как дуб Мамврийский.
И всякий это может увидеть,
Прочтя моих стихов иные списки.
Вот, наконец, печатают, и мне
Так тяжело от этих ораторий.
Как волен был я ночью при луне,
Вдыхал ли сладость благовоний.

Какие страхи навевал родне
Молчанием моим перед иконой.
Теперь остались книжечки одне
Да некие рубли на счастье мне
И тень больниц, пугающая зоной.
Но я ведь дуб и не боюсь ветров.
Меня балтийский вест как обдувает.
Округ меня уснувший Петергоф,
И мало ль кто у ног моих бывает.
Пусть говорят, — дубовая семья.
Но русский я и говорю дубово.
И речь моя звучит порой сурово –
Так, что дрожит от гнева грудь моя.
Прости, Господь! Не схимник я ещё.
Но, может быть, как дуб когда и стану.
И сам Господь тогда через плечо
Враз поразит меня — России великана.

СЛОВО

Когда б я знал, что так бывает..

Б. Пастернак

Едва ли знал, что в себе таило
Дарованное мне от Бога Слово,
Когда вначале явлено мне было
Всё, что душа любить была готова.

И это было — светозарный образ
Молчания, творимая молитва.
Но у Глагола есть судьба и возраст,
И то, что было миром, стало — битва.

И время оказалось — поле брани
Багряное в Крови дариносимой
И то, что было Тело, стало — раны
При горечи, уже невыносимой.

И вот сейчас в ночи, почти библейской,
В саду моей, ещё цветущей, жизни
Я вспоминаю речи галилейской
Звучание с тоской о праотчизне.

Вокруг меня, обставшая чужбиной,
Тьма липкая кошмаров и предчувствий.
В душе надежда почтой голубиной —
Мечты о воле, мысли об искусстве.

И весточкой грядущего — волненье,
Скопившееся болью где-то в горле.
Всё это, знать, судьбы моей веленье
И тяжесть крыл, их гнёт ужасный, орлий.

И если это — крест, его приемлю.
Но, будучи свободой раздавлен,
Я выбираю смерть, родную землю,
Чудесно бездны алчущей избавлен.

И предо мною крутизной Христова
Сошествия во ад клубится время,
И откровенье явленного Слова
Зияет мне, моё сжигая имя.

И, становясь не то чтобы землею —
Глаголом, возвращаясь к истоку,
Чтоб горестному времени потоку
Нести меня безгрешною золою.

Но, уносимый к будущего устью,
Я становлюсь несказанною грустью,
И оттого молчанием уже,
И это — жизнь, Глагол моей душе.

ВОПЛОЩЕНИЕ

Не Музой и не демоном храним,
Я принял в дар провидческое око,
Покров мой — шестикрылый серафим —
Ужасный гений древнего пророка.

И оттого так легок мой ярем.
Я верую, что Дух владеет мною.
До времени и немощен, и нем,
Мысль в горечи питаю тишиною.

Но жизнью вдруг, что ядом напоён,
Глагол обугливает губы,
И жаркий звук, бесстыдно оголён,
Из тишины глядит, как плоть из шубы.

Тогда слова — единственный покров.
Прозрачные, они полны смиренья.
И если бы душа не знала слов,
Нагая суть не выдержала б зренья.

Спалила бы сама себя тотчас —
Сгорела б со стыда в грехопаденьи.
Но стих скрывает чудо, расточась
Молчанием в словесном совпаденьи.

Мгновение, и тайна во плоти.
Душа вошла в обыденное слово.
И то, что я у ней был на пути —
Я словом был, но вот молчу я снова.

* * *

Душа моя, зачем тебе летать?
У нас, людей, не вырастают крылья.
Не лучше ли с утра с постели встать
И отложить напрасные усилья?

Не лучше ли, душа моя, забыть,
Откуда мы пришли с тобой однажды,
И в буднях ежедневья полюбить
Обычный день, что не даётся дважды?

Не лучше ль крыльев — ноги, две ноги
И две руки; штаны, пиджак, рубаха?
Пока не надоели сапоги,
Не хватит ли нам пешего размаха?

Всего-то и усилий — два шага
С постели до стола. Полёт без риска.
Для этого нужна одна нога,
Другой подвинешь стул, он где-то близко.

Одной рукой блокнот найдёшь, другой
Нашупаешь в стакане авторучку.
На кой тебе крыло? Скажи, на кой?
И без него рука поставит точку.

Смотри, и стол достаточно высок,
Чтоб разглядеть в окне сугроб январский.
А у окна — старинный образок,
И в форточке — звезда — подарок царский.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОДИССЕЯ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Кто выдумал чтоб жизнь была беда,
А самой страшною бедой была свобода?

Б. Куприянов

Ты ли, юность жестокая, душу его сокрушишь?
Вот прошёл я вратами ревущей дороги Улисса,
И со мною — один, благодатною силой Зевеса
Уцелевший пловец, ставший мужем в скитаниях, малыш.

Пощади его Рок! Он — единственный жуткой Афины
Копьеносец смиренный, и бранью её, не бронёй
Пред тобой утверждён. Дикий посвист его соловьиный
Рвёт мне душу, и раной болит, и гремит предо мной.

И заслушался я, поражённый. Какое смиренье
В этой песне унылой и рвущей из сердца печаль!
О, владычица мощная! Жизни суровой не жаль,
Только б слышать такое, тобой просветлённое пенье!

1.

Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские, тяжёлые волны,
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный.

О. Мандельштам

Как выброшенный на берег пловец,
Качаясь на песке, целует камни
И слёзы льет, к гибели недавней
Не в силах обернуть без тошноты
Солёных век, в Итаку, наконец,
Вернулся муж, испытанный стихией,
И родины известняки сухие
Расшибли грудь, шагнув из темноты.

2.

Эвтерпа, ты?
И. Бродский

Знобящий бриз. Тумана густопряд —
Сырой сквозняк. Волокна белых нитей.
Да хруст песка, да горечи пролитье,
И эта соль, который раз подряд.

Земля... О сколько боли в этом дем! —
Талатта, воля плача... Соли в горле...
Что это? Слёзы?... Душит клёкот орлий,
И сушь Деметры, и родимый дом.

Зачем я здесь? Чужая суша — грусть
Неодолимая. Уж лучше ты, пучина!
Но эти слёзы... Что же их причина?
Да то ж — земля, песку сухая горсть...

Но что за остров? Юноша, скажи
Название этих мест!.. Ужель Итака?
Так вот что я слышал как собака —
Отчизну, дом, родные рубежи...

Афина, ты? .. Туман застлал глаза.
Не узнаю, но верую. Куда же
Идти мне, если там за мною даже
Не время — океана бирюза?..

3.

Куда, Мещерской, ты сокрылся?
Г. Державин

Афина жуткая, гонитель Посейдон!
Вы жизнь мою судьбой пресуществили,
И судно бросило меня перед судом
Седых пространств к Харибде и Сицилле.

Но мужи где? Не их ли, приведя
К Тринакрии, я вёл к быкам ревущим?..
Но волны топкие и, полные дождя,
Завесы Зевсовы быков ревели пуще.

Ответствуйте! Где все они? Куда
Сокрылись? Где страна, страна чужая,
В которой адресаты без следа
Рассеяны, вестей меня лишая?

О, как они глядели на меня,
Когда ревело мясо, бычьи шкуры
Метались и гремела толкотня
Слепящих туч карающей Пандоры!
Куда галера их со мной несла,
Когда крошилась рухнувшая мачта,
И я с неё обломку лишь весла
Мог руку протянуть, постигнув нечто?
Лишь мачта с килем выплыли ко мне
И, связанные мной, спаслись Харибды,
Когда, вися над нею, наравне
С отчаяньем, я отторгался кривды.
Всё, всё унёс пенноголовый бог:
И судно, и друзей, и студный морок.
И вот к тебе, Паллада, я прибёг,
И солона туника, море сборок.

4.

В роскошной бедности, в могучей нищете.

О. Мандельштам

Любовь моя! Как древле Одиссей
В могучей нищете вернулся к дому
И пиршественно рухнул на солому
В ночь перед тем, как перебить гусей,
К ногам твоим однажды возвратясь,
Я предпочту целительную грязь
Великолепью льстивому Итаки,
Зане чиста, землей оборотясь,
Любовь твоя, которой я не князь.
Но слишком женихи твои жестоки.

5.

Смущён, как пред наитьем кифаред,
Осматривая лук, точь-в-точь кифару,
Бледнеешь так, что грубому загару
Уже не скрыть задор былых побед.

138

И разом вдруг во всей кипящей злости,
Восторгом напружинивая кости,
Уж гнёшь его — чудовищный снаряд,
И пальцы тетивой уже звенят.

И, мощною стрелой пронзив двенадцать
Колец ли, звеньев, но сковавших цель,
Уже не можешь в сердце лжи промазать
И выбьешь дух блевотин сих отсель.

6.

О, Пенелопа! Муж твой мореход
Опять в крови, в её солёной пене,
И снова меч с бесчестьем на безмене,
И ест глаза мужской военный пот.
Ужель сердца не тяжелей меча?
Что вижу я! .. Меч перевесил втрое.
Любовь моя! Дымят руины Трои,
И эту грусть не разрубить сплеча.
Но я вернулся. Радуйся, жена!
Эй, Телемах! А ты чем изукрашен?
Иль в этом доме не достало брашен,
Чтоб сразу отравить меня сполна?
Афина! Я в крови. Я пред тобой.
Но да свершился мой последний бой!

7.

Нас было много на челне.

А. Пушкин

Нас было всех — двенадцать кораблей.
До этого была осада Трои.
Их нет теперь. Но все они — герои.
Эй, виночерпий! Горького налей!
Одни под Илионом, а другие...
О них я вспоминаю по сей день.
Их отнял у Итаки Посейдон.
Что приумолкли, гости дорогие?
Помянем всех, кого меж нами нет!
Их не забыть. Они нас не забыли.
Так пейте же, как те со мною пили!
Окончен путь, но гимн ещё не спет.

139

Воспойте же грозовую Палладу!
Она меж нас, и я её слуга.
Её рукой разбили мы врага.
Что из того, что нет с печалью сладу!
Один из нас, воителей, спасён.
Ликуйте же! Могло б стрястись и хуже.
О, Пенелопа, не тоскуй по муже!
Ещё живым к тебе вернулся он.

8.

Послушай, Телемах! Не раз, бывало,
Сбивались мы с пути. Уж тех не стало,
Кого и по сей день еще в душе
Ношу, но с кем не пировать уже.

Однажды нас прибило к лотофагам.
Прекрасная страна. Чужой народ.
И лотос, до него там каждый лаком,
Из наших трое положили в рот.

Что случилось с беднягами! Забыли
И отчий дом, и родину, и путь,
Которым шли. Хотел бы я взглянуть
На них теперь, куда они заплыли!..

Бог весть. Тогда насилу их сумел
Втащить на судно. Еле протрезвели.
Но знать бы мне, куда на самом деле
Их путь лежал, о чём им ветер пел!

9.

Идёт циклоп. Что шаг — верста.
И чушь несут его уста.

У. Оден

Есть у меня на памяти страна.
Не приведи Зевес в её пределы
Летать кому из рода Филомелы.
Увы, не верит жалобам она.

Страшна земля, где всё растёт само,
И вырастает как-нибудь, народ же
Не ведаёт, что у него на роже
Самой природой ставлено клеймо.

Единый глаз у каждого во лбу,
И потому для них вполсвета сужен
Весь дальнороз, и тот, поди, не нужен,
Затем что всякий смысл идёт в трубу.

Они сильны. Страна их необъятна.
Жизнь беззаконна, а овец не счесть.
Но если приглядеться, что-то есть
В их скопище — бредовое, понятно.

Циклопы их зовут. И вид страны,
Куда ни глянь — повсюду разворочен
Их пятернёй... Но им хватает, впрочем,
И времени, и места снять штаны.

Один из них был мною ослеплён
За то, что жрал героев, простофиля.
Эх, Телемах! Не сила, но София
Афины зиждет — Божеский закон.

10.

Когда я вызывал умерших души
На Севере, где страшен мёртвых плач,
Одна из них мне осветила ночь
Грядущего сиянием снаружи.

И это был Тирезий. Он сказал,
Что я найду покой в Итаке милой,
Но прежде путь пройду чудесной силой,
И всю судьбу до смерти показал.

И всё сбылось, я видел, до черты
Того, что начертать успело время.
И это было — мужество и бремя.
Но вот передо мной предстала ты.

Так слушай же! Ещё уйти мне должно
С веслом, и возвратиться лишь тогда,
Как обойду я страны, города,
Пока не встречу мужа, кто неложно
Не справится, — зачем лопата мне? —
И не отдам с веслом ему судьбины —
Пройти еще неведомы пучины
И умереть в своей родной стране.

Тому и быть. Жена моя, Итака,
И ты, мой Телемах, пустите в путь!
О, если б знали вы хоть что-нибудь
От горечи, какую пью двояко:
С рыданием и радостью, то всяко
Благословили б от неё черпнуть!

11.

Суровый путь предполагает Божье
На то благословение. Не так
Бывает с теми, кто на свой чердак
Излишне уповаet в бездорожье.
Нас много вышло в море. Но, увьи!
Одни погибли в лапах Полифема,
Другие под водой по-рыбьи немо
Смерть вопрошают сквозь морской травы.
Те у киконев, те у лестригонов,
У прочих онов эти, либо те,
Но все они в душевной простоте —
Не постигали Божеских законов.
Но не припомню жребия чудней,
Чем тот, который выпал Эврилоху
С ватагою. Не ведая подвоху,
Они у некой скотницы в свиней
Преобразились, понабравшись духа
Среди скотов. Несчастный Эврилох
Насилу удержался. С нами Бог!
И на героев может быть проруха.
Спасибо, Гермий выручил пьянчуг
И возвратил им вскоре образ Божий.
И то! На что бы стали мы похожи,
Когда бы небо опустело вдруг?

12.

Когда же те, кто был ещё со мной,
Завидели пустынный островок,
Я вспомнил, что никто ещё не мог
Пройти его вблизи. Тому виною
Таинственное пение Сирен.
Все попадали в этой песни плен

142

И погибали, потеряв рассудок.
Их сердце разрывалось от тоски.
Тогда я возгласил: Уже близки
Мы у гибели! Я вижу столько лодок
На скалах, что и нам не миновать.
Возьмите воск и залепите уши!
Меня же привяжите и потуже
У мачты здесь и, хоть бы стану звать
Прийти ко мне на помощь, по местам
Все оставайтесь, или будем там!..
И тут мы увидали что для нас,
Быть может, уготовано. На скалах
Орлицы на крылах от крови алых
Уж разбегались в небо... Девий лик
Чудовищ сих в один и тот же миг
Напоминал: и деву, и орлицу,
И душу пронизали сквозь ресницы
Их дикие зрачки, и ветер гас,
И берег весь, насколько вмещает глаз,
Белел костями... Но я уж был привязан,
И воины, исполнив мой приказ,
Уже гребли, когда Сирены разом
Пронзили душу мне такой тоской,
Что если б мог я шевельнуть рукой,
То разорвал бы жизненные путы
И в море, навстречу люте лютой
Поплыл, внимая гибели, так рвал
Мне сердце хор таинственный, так сладок
Был смерти зов, что даже море складок
На платье Пенелопы, свыше сил
Томящее, едва бы я сравнил
С томлением вблизи водоворота
Безбрежности, откуда нет возврата
Душе моей, разбуженной навек...
Но до чего же крепок человек!
Переживя самой стихии плен,
Я пережил и пение Сирен.

143

13.

Корабль шёл... Натруженные вёсла
Единым шумом размеряли ход,
Когда вдали я приметил вход
В ту горловину, о которой после.
Тогда же я воскликнул: Это — смерть!
Но с нами Бог! Держите ближе к Сцилле!
И дрогнул кормчий, и гребцы закрыли
Тяжёлые глаза. Но круговерть
Уж подымалась. Храпкая Харибда
Отверзла зев, и хлынула струя —
Сначала внутрь, а там уже блюя
Наружу, харкая, взревела и охрипла.
И, подойдя поближе к Сцилле, я
Схватил копье, готовясь дать отпору,
И чудище уже предстало взору —
Тоть-в-точь шестиголовая змея.
То был утёс. А что пред камнем дух,
Когда не вздох, и вот уже не выдох,
Но пузыри... Я видел в пене двух
И сколько-то еще, точь-в-точь на дыбах.
И все бы мы... Но вышло, что не все.
Со мною кто-то был ещё на грани,
Когда Мальштром во всей его красе
Напомнил мне Харибды содроганье.
То было много позже. А тогда
Нас пронесло и вынесло на волю.
Но где же те, кого я иногда
Зову, и мне в ответ лишь ветер воет?..
Ужели наша жизнь — пространства шум?
Иль, может быть, она — уже не время,
Но — тишина в седых глубинах дум,
Где вечность — море, гул, попавший в темя?

14.

О, небо звёздное! Плеяды, Арктос и
Великий Галаксиас! .. Я пред вами.
И если души могут зеркалами
Служить для вас, то пусть мои Весы,
Качнувшись, отразятся в наших душах:
У сына, у жены и у меня
И скажут нам, — часы какого дня
Грусть перевесят в матери и в мужах:
Отце и сыне — день разлуки иль
День сретенья нечаянного, ибо
Сегодня на Итаку через гиль
Вернулся Одиссей и видит небо.
И звёздный ковш плеснул уже туда,
Где грусть не оставляла в нём следа.

послесловие

ПОЭЗИЯ ОЛЕГА ОХАПКИНА И АРХЕОАВАНГАРД

О чём никогда не забывают упомянуть биографы Охепкина? Верующая семья, влияние на будущего поэта бабушкиной подруги — «иоаннитки» (Евдокии Ивановны Горшковой), чем-то похожей на хрестоматийную Арину Родионовну. А ещё пение в хоре Александрo-Невской Лавры и наблюдение за монастырским старчеством... Потом, много позднее, возникли неприятности из-за тесных связей с православным подпольем — арест был реален и близок. Наконец, близкое знакомство с психиатрией... Этих фактов достаточно, чтобы нарисовать образ православного отрока в огненной печи советского режима — юродивого поэта, проводившего жизнь в стихах, молитвах и больничных палатах. Вывод: Охепкин не вполне типичный, но очень яркий пример «внутреннего эмигранта», который спасался от советской действительности в лоне русской православной традиции.

Вот такое жизнеописание. Звучит убедительно, поскольку всё сказанное — чистая правда. Но для друзей и читателей Олег Охепкин в первую очередь поэт. Один из лучших своего времени. Он стоял среди собратьев по цеху особняком, не входил ни в круг «ахматовских сирот», ни в группу Анри Волохонского, ни в группу Владимира Эрля или Виктора Кривулина. Всегда сам по себе, всегда своим путём. Часто говорят о его дружбе с Иосифом Бродским — дружбе «под куполом Смольного собора». И даже называют Охепкина учеником Бродского. Дело было в том, что Охепкин, кем только ни работавший при жизни — кочегаром, рабочим в Эрмитаже, помощником геологов и археологов — среди прочего возводил строительные леса в Смольном соборе. Там у него бывал Бродский, слушал его стихи и обронил: «Через 20 лет ты получишь Нобелевскую». Эту историю Олег мне рассказывал задолго до того, как сам Бродский стал лауреатом.

И всё же эти свидетельства ничего не объясняют. Мало ли кто к кому ходил и кто с кем дружил в Ленинграде. Кроме того, поэзия Бродского и поэзия Охепкина стилистически разнятся. Скажем, охепкинское пристрастие к державинско-ломоновской одической традиции в меньшей степени присущи его товарищу. А наивный лирический «натурализм» и вовсе не похож на язык Бродского. Тут явно другая, более глубокая связь: не сходство, но родство.

И природа этого родства в том, что и в лице Олега Охепкина, и в лице Иосифа Бродского мы имеем мастеров, идеально сочетавших модерн и традицию. Подобно Бродскому, Охепкин — архаист и новатор в одном лице. Вот та нитка, за которую действительно стоит потянуть.

Взять, например, отношение к силлабике. Охепкин был из тех немногих, кто хотел возродить в России силлабическую поэзию, более всего связанную у нас с именем Симеона Полоцкого. Причём

считается, что именно с подачи Охепкина сам Бродский заинтересовался силлабикой (отсюда «К стихам», «Подражание сатирам, сочинённым Кантемиром»). Вот один пример «оживлённой» архаики.

С другой стороны, Охепкин следует державинско-тютчевской линии. Он был избран первым лауреатом Державинской премии (1995 г.) с мотивировкой: «за развитие российской оды». Получается, что Золотому веку русской поэзии Охепкин наследует через голову Серебряного и «бронзового» веков. Этим как будто ставится под сомнение тыняновский тезис о том, что традиция в поэзии передаётся через поколение. Творчество Охепкина позволяет сказать: «не всегда». Поскольку традиционность в его поэзии сильнее, устойчивее, чем это бывает в большинстве случаев.

Наконец, Охепкин — автор множества стихов и поэм на религиозную тему. Прекрасное поэтическое переложение евангельской Притчи о блудном сыне заканчивается неожиданно:

Отец же о прошлом ни слова.
Тихонько с колен его поднял
И весело кличет слугу.
Душа его к пиру готова.
Он видит, что сын его понял,
И вот он пред сыном в долгу.
Велит привести им телёнка
Из лучших, заклать, веселиться.
И слуги не медлят. И стол
Накрыт. Господину ребёнка
Вернула чужбина. И льётся
Вино, ибо праздник настал.
Тем временем с поля усталый
Старшой возвратился и слышит
Веселье и пенье. Из слуг
Зовёт одного, чтобы малый
Сказал ему, что это пляшет
За гость и с чего это вдруг.
«То брат твой пришёл, и отец твой,
Здоровым увидев сыночка,
Телёнка из лучших заклал».
Тогда, осерчав, что наследство
Братан промотал в одиночку,
И пляшет, он прочь усвистал.
Отец же за сыном вдогонку
Поднялся и вышел из дома,
И звал его. Сын же в ответ:
«Я рад от тебя и козлёнку
Остался б, но вот мне солома
За всё от тебя на обед.

Не я ли тебе в послушанье
 И службу любую работу
 Работал в то время, когда
 Вот этот твой сын прилежание
 Имел разве к шлюхам, и квоту
 Свою расточал без стыда?»
 «Но, сын мой! Всегда ты со мною.
 Моё ль — не твоё без изъятия?
 А брат твой родной пропадал.
 И вот он нашёлся. Больною
 Душа была, порвано платье...
 Был мёртв он, и ожил, и встал».
 Старшой омрачился на эти
 Слова и ослабил как-то
 Невнятно. «Отец, берегись!»
 Но старец молчал. Только некто
 Вздохнул за спиною из плети.
 Овца ли? Поди разберись.

1970

Непонятное движение-вдох за спиной у отца после предостережений старшего сына — что это? После изложения библейского сюжета следует резкий срыв в подчёркнутый психологизм, в душевную непрозрачность, романтизацию (как-никак перед нами баллада). Этот синтез довольно типичен для Охупкина.

Помимо библейских тем для него важна и петербургская, и некий поздневизантийский «аристократизм». А с другой стороны — модернистские метафоры, переключки с Ахматовой, Пастернаком, Мандельштамом, барочное «совмещение далековатых идей». С третьей — подчеркнута наивный реализм, какая-то «митьковская» открытость и непосредственность. И тогда Охупкин демонстрирует восхождение к почти музыкальным вибрациям закатного неба, чувство грустного очарования вещей на фоне весеннего подъёма или осеннего замиранья природы.

Что получается в совокупности? Археовангард. Вот откуда при стилистических различиях внутреннее родство с автором «Большой элегии Джону Донну».

Традиция? Да. Но соединенная с субъективностью и новизной. Туго натянутая, как струна, которой звенеть, да не оборваться. Не законсервированная, но выпущенная на просторы времени. Это не преодоление, это обновление традиции. Это традиция как метод, а не как консервант.

И здесь тема требует некоторого расширения. Многим бросалась и бросается в глаза неопределённость, размытость критериев, которые принято применять к спорам архаистов и новаторов, особенно в России. Так, раздумывая о хрестоматийной коллизии Карамзина и Шишкова, стоит задаться вопросом: почему первого считают новатором, а второго — замшелым консерватором? Ведь не

кто иной как Карамзин решил заменить ломоносовские «штилы» — «литературно грамотной» смесью гальского с нижегородским. Для этого пришлось менять славянизмы на кальки с французского, что довольно трудно назвать словотворчеством в полном смысле. Новизна, но вполне условная.

А вот Шишков с его «мокроступами» по меркам XX века выглядит едва ли не авангардистом. У карамзинских последователей читаем: «Пёстрые толпы сельских оред сретаются с смуглыми ватагами пресмыкающихся фараонит». Это вместо понятного: «Деревенским девкам навстречу идут цыганки». Много подобных примеров можно найти у Юрия Тынянова в «Пушкин и его современники». Тынянов в интересах чистой науки пишет отстранённо, но мы зададимся вопросом: так ли уж это изящно и галантно? Чем карамзинизмы отличаются от шишковских «мокроступов», «гульбищ» и «ристалищ»? Пожалуй, тем, что вместо витиеватого словотворчества перед нами не менее витиеватые замены и заимствования. И ещё большой вопрос, кто больший новатор, если иметь в виду исключительно законы языка.

Конечно, в популярном изложении всегда есть желание спрямить, сгладить ситуацию. А потому школьный курс литературы умалчивает о принадлежности к кругу шишковистов таких фигур как Гавриил Державин и Иван Крылов, а к младшим архаистам — Грибоедова и Кюхельбекера.

Немало «архаики» и в творчестве русских авангардистов. И не только литературных. Фольклор — у Хлебникова и Гуро. Языческие мотивы — у Стравинского, Скрябина и Кандинского. Связь с иконными ликами у Филонова. Всё это, как и поэзия Охупкина, примеры археовангарда. А причина этого феномена в том, что традиция и новация в искусстве находятся в крайне сложных, нелинейных отношениях, не подчиняются логике исключения «или — или». Патриархальность вполне может быть авангардна, а «модерность» заиграна и неинтересна. А в иных случаях они прекрасно дополняют друг друга, и поэзия Охупкина блестящее тому подтверждение.

Что такое археовангард сегодня? Может быть, это знак постепенного расставания с эстетикой постмодерна, как знать. И хотя истоки этого явления уходят в XX век, в ближайшее время оно будет становиться всё более заметным.

Александр ЩИПКОВ

содержание

Предисловие Татьяны Горичевой	6
«То ли Муза ко мне заходила...»	12
«И придёт, и побудет недолго...»	12
Свет весенний	13
«О, сколько жизни и сколько смерти...»	13
«Когда гляжу на талый снег...»	14
«Когда бесплотный вечер ...»	15
Земная сила	16
«Когда поэт не помнит боль...»	17
«Отрыдал апрель...»	18
«С утра зарядило. Прорвался снег...»	19
Время Пасхи.....	20
На грани полуночи	21
«Какое счастье слушать мир...»	22
«Легко и вольно дышит грудь...»	23
Возврат к деревьям.....	24
«Я помню: есть такие вечера...»	25
Дума	26
Белая ночь.....	27
Повечерье.....	28
«Звезда небесная на юге...»	29
«Минувшее уходит в подсознание...»	29
С вечера до трёх пополуночи	30
Равноденствие	34
Из летних вечеров	35
«Ритмично и мерно качаются дни...»	36
«Есть вечера, когда пробьётся луч...»	37
Полдень.....	38
«Сегодня солнце так светило...»	39
На берегу	40
«За садом вздрогнул свет и, падая, погас...»	40
«Жара. Уж Солнце высоко...»	41
Катаклизм.....	42
Кладбище в лесу	43
«Ясней и тише год от году...»	45
«Будет небо сплошной оглушительный шар...»	46
Наша речь	47
Яблоко	48
Песня о побережье.....	49
До стихотворения	50
Новая эра	51

Там вдали.....	51
Гимн августу	52
От сотворения мира.....	53
Преображение	54
Голубая луна	55
Медитация	56
«О нет, я не скажу магического слова...»	57
«Ещё светло. Июль жарюю красен...»	58
«Если взором продолжить...».....	59
«Всему свой срок: прошёл ли день...»	60
Шиповник	61
«Такие в августе бывают вечера...»	62
«Как долго я ни бегал от себя...»	63
Тишина	65
«Какое солнце! Неба сколько!..»	68
На грани осени	69
«Всю неделю, спускаясь за почтою вниз...»	70
Ночное дыхание	71
В среде пустой	72
Летучий голландец	74
Ночные стансы	75
Песня рулевого	77
«Чем пристальней глядишь в зенит небес...»	78
Осень	79
«Доживая до лучших времён...»	82
«Август, осень... Раздуть костёр...»	83
Ноябрьские сны	84
Наедине с душой.....	85
Наедине с осенью	86
Тень	88
К лире моей	90
В чаше	91
Чёрный день.....	92
Ямб	94
Художник.....	95
Молчанье древа	98
«В ту ночь мы с душою затеяли спор...».....	99
«Гляди в окно, гляди в окно!..»	100
«Люблю морозными ночами...»	101
Глухие голоса.....	101
«Я не знаю надежды кроткой...»	102

Медная лира	103
«Трубила в рог пурга. С простором в срок ...»	104
«С собою вслух или с собою молча...»	104
«Свободы, Боже! Душит страх...»	105
Перемена	106
Две бездны	107
Сфинкс	108
В лабиринте.....	109
«Что впереди, когда бредёшь не столь...»	109
Незримые пути.....	110
«В свободе есть сознательная скорбь...»	110
Наше поколение.....	111
Грустный звон.....	112
Метаплазия мира.....	113
Факел победы.....	114
Дума	115
«Добропобедный тихий свет...»	116
«Как вымирает чувство в человеке!..»	116
«Писать, когда душа к поэзии зовёт...»	117
Взгляд свыше	117
Свидетельство.....	118
«Жизни шум однообразный...»	119
Птичка.....	120
«Душа отстрадала. Стоит, как подёнщик ненужный...»	121
«О, до чего же наша жизнь грустна!..».....	121
«Душа глубокая не знает...»	122
«Загадочна грехопаденья природа...»	122
Перемена	123
«Оглядываясь пройденным путём...»	124
Перед часовней	125
Пророк	128
«В свободе есть сознательная скорбь...»	129
Дуб.....	130
Слово	133
Воплощение	134
«Душа моя, зачем тебе летать?».....	135
Возвращение Одиссея. Поэма	136
Послесловие Александра Щипкова.....	148

Олег Охупкин

философская лирика

Ответственный редактор

Т. И. Ковалькова

Верстка

В. Ф. Недвецкий

Корректурa

Т. Н. Лапина

Санкт-Петербург.

2014

НП «Русская культура»

195220, СПб., Гжатская ул., д. 21

Адрес редакции: 195220, СПб., Гражданский пр., д. 24, офис 11

Контактные телефоны: (812) 534-96-34; +7 (921) 368-07-57

E-mail: info@russkymir.org

Подписано в печать **00.00.2014 г.** Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. **10**

Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № **000**

Отпечатано с электронного оригинал-макета, предоставленного издательством
в типографии ООО «Таро»

199106, Санкт-Петербург, В.О., 24 линия, д. 1

тел./факс: (812) 438-19-65 E-mail: tarospb@yandex.ru